

ИГРЫ
XX
ОЛИМПИАДЫ

САМАЯ
БОЛЬШАЯ
ПОБЕДА

№ 21 НОЯБРЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

Ада ДИХТЯРЬ

Фото Виктора БЕРХИНА
и Бориса КОРОБЕЯНИКОВА

Летней Максимилиан Громов удивился: «Такие крохи, а едут с края света» — и, оставив робота во дворе под густым навесом дыконого виноград, скрылся в доме. Некоторое время спустя он снова вышел — не по жаре парадно одетый: под суконным черным пиджаком голубая шелковая рубашка, на голове дыковая фуражка. И это надо было понимать так, что он — 93-летний старик — относится к своим гостям серьезно и уважительно.

Лица робота стали напряженными и внимательными. Казалось, что они боятся пропустить хоть бы слово. Лишь иногда то один, то другой отрывал взгляд от сурового, темного, как на иконе, лица и скользил глазами по двору, запоминая на всю жизнь подробности: старое корыто само по себе крыльца, трещинка на широко распахнутой двери, за которой — комната. Чисто вымытая и полая. Комната Ули Громовой...

Маша, щупленький немецкий мальчик, крепко зажал в ладонях узелок с землей. Уж очень они невнимательны, эти маленькие ханты, коми и венцы. Иначе он рассказал бы Матвею Максимилиану — отцу Ули Громовой! — что этот узелок поделает с ними весь долгий обратный путь по суше и воде, от южного города Краснодона до западного совхоза «Россия». А потом в их Павловскую школу имени Ульяны Громовой будут приезжать дети оленеводов, может быть, со всего Ямала, чтобы только поддержать на весу узелок с землей, взятый вот из этого широкого крыльца.

Пятнадцать дней и ночей добирался ямальские племена сюда, на родину молодого героя. И они шли по Краснодону от дома Громовых через всю Первомайку, мимо шахты I-бис, где работал Сергей Тюленин, мимо клуба имени Горького и пришли в 14-ю школу, где учился Тюленин и Шевцова, Юра Вицковский и Васа Парожко, Клава и Толя Ковалева, где когда-то комсоргом был Вита Третьяквичка. В этой школе ямальские ребята предоставили жилье, и в первую ночь они, хоть и устали с дороги, никак не могли уснуть. Таким ошутливым и таким волнующим было присутствие здесь ямальских героев.

А наутро роботов отправляют к Вечному огню, который похлещет перед братской могилкой на главной площади города.

Каждый, кто находит Краснодону, приходит сюда. И порой площадь перед мемориалом напоминает площади больших городов во время демонстраций.

Не сосчитать писем, которые получает музей, родившийся герой, оставившие в живых молодого героя.

Не сосчитать людей, которые приходят в дома героев и вследа за приветами: «Заходите в горницу» — с востановлением слушают рассказы матерей.

У Земнуховых

— Заходите в горницу, вот сюда, — приглашает Анастасия Ивановна Земнухова. — Здесь, почти все, как и при Ване было. И столик этот письменный. И этажерка. И портрет Пушкина. Пушкин у него с детства первый поэт. К столетию принес его портрет. Отец сделал рамочку, а Ваня сам покрасил ее и повесил портрет над этажеркой.

Когда наши оставили Краснодон, Ваня два дня из дома не выходил. А на третий слышу грохот в его комнату. Я к нему:

— Ваня, что ж это ты наделал?
А на полу и керосин и глина — печка сломава. А сам стоит и на стене пишет: «Комната на ремонт».

— Это, — отвечает, — нужно затем, чтобы сволочь-финист здесь не квартировал, нашу землю чтоб не топтал.

Сергею Тюленину, Володе Земнухину, Лене Давышеву, Лиде Навициной, Майе Пегзиановой, Володе Засурько, Сапе Шашенко, Тоне Дьяченко было непоких 19 лет.

Олегу Кошевому и Степе Сафонову не исполнилось и семнадцати. Вита Лукьянченко, Семен Остапенко, Волода Куликов, Тоня Маченко не дождались своего шестнадцатилетия.

Коротка их жизнь.
Только три месяца существовала «Молодая гвардия» — колхозное подполье Краснодона. Коротка их борьба.

Но наверняка не найдешь в нашей огромной стране такого человека, который не знал бы о подвиге молодого героя. В сердцах людей они обрели вторую жизнь. Да, они живы! Живы и делают свое главное на Земле дело — воспитывают Человека. Воспитывают уже тридцать лет. И будут воспитывать, сколько бы лет ни прошло...

В ПЕРВОНАЧАЛЬ

Потом стала собираться к нам молодежь. Как-то раз я зашла сюда, — шахматы перед ними стоят.

— Что это, — спрашиваю, — вы в шахматы играете, а их не дашете?

— А в них, мама, так и играют — не дашат. Жизнь сейчас снова — игра на-два-жи-мая...

Помню, в последний раз невеселый мальчик пришел — и к Пущкину. Посмотрел так, ничего не сказал и слова за порог.

Скорее всего пригрезет:

— Мама, Ваня в тюрьме. Его, Мошкова и Третьяквичка арестовали.

Мы не знали ничего, не догадывались, а потому нам и горько и стыдно. То звали его на улице «Маяковский», а как по школе он «спросорос» и школьный поэт, и без книжки его ни один человек не видел, и ядугу тюрьма.

Утром я встаю, иду сразу передучу. Полицейский подкашивает:

— К кому пришла?

— К Земнуху.

Лучше бы они меня взяли, чем от меня сына такого отбирали.

— Какой-то он и к детям и к старым людям очень добрый был.

Помнится, он учился еще. Время голодное было, а у меня три школьника. Иногда пожалуешься отцу: «Скорей бы поучка». А Ваня:

— Что, мам, денжат нету? На-ко, возьми.

— Откуда они у тебя?

— Ты мне давала на завтраки, а я так и знал, что тебе потом не хватит...

А как с занятий Ваня идет — детвора настречу ему бежит. Он тех, кто постарше, отдаст свои книжки, а малышей на руки берет.

Не знаю, что он за дитя бы. Сама удивляюсь, что он был за дитя...

У Тюлениных

— Ну, что вам сказать. Одинадцать детей у меня было, а он самый любимый, — говорит Александра Васильевна Тюленина.

В январе сорок третьего года пришел к нам полицаи:

— Где сын?

Я их так просила, просила, плакала, а Сергей говорит:

— Мама, не уговаривай. Что ты перед ним клянешься. Не знаю!

Сергей ушел. А через час или около того и забрал.

Пришел в полицейню, меня ставил к стенке. Пять стали.

— Сына вырвали! Вот мы твоего сына казнили!

А я им:

— Ничего не знаю. Ничего не понимаю.

А Сергей был. Был на глазах. Последний раз сменялся три полицаи. Три. Потом ткнул его двери... Пальцы зажимал в дверях. Сергей сморил на меня так глазами и, видно, душит: «Мать, сейчас мать скажет. Не выдержит, скажет. Я ей также одним глазами и отвечаю: «Не бойся, соп, смолчу».

Тогда в рану ткнули ему шомполом. Я как стола, так и упала...

В камере Нюса Сопова и Люба Шевцова за мной ужидали. Проходит какое-то время. В один день ядугу открывалась дверь — входит Захар полицаиный начальник.

— Нюса, бедная, вскопча — и к Любе:

— Ну, что мне взять?

— Люба строго так отвечает:

— Ничего! Ведь знаешь, куда иду.

Сопова тогда подошла ко мне.

— Тетя, — говорит, — может, вы живые оставите, передайте маме, что я пошла бодрая и я села. И не wants плакать...

А сама дрожит вся. Она вышла, и я за (дверь не успела закрыть). Пржежался к стенке, сморил. Их оставили всех в строй. А когда повели, Сергей устал дитя меня.

— Прощай, мама...

Тут я остолбелена. И с места не сойти...

У Кошевых

С большого портрета на стене убавляется Ольга Васильевна старинные часы громко отстукивают минуты.

Елена Николаевна достает альбомы. Свер-

оказалось то, что подарили и ГАР.

— Вы знаете, — Елена Николаевна передала ей страницы с фотографиями, — когда я ехала

ЖИВЫ ГЕРОИ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ». И ДЕЛАЮТ САМОЕ ГЛАВНОЕ НА ЗЕМЛЕ ДЕЛО — ВОСПИТЫВАЮТ ЧЕЛОВЕКА.

ЛЕГЕНДАРНОЕ ЗНАМИ, КОТОРОЕ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ ВОДРУЖИЛИ НА КРЫШЕ ШКОЛЫ В КАЛУГУ 7 НОЯБРЯ 1942 ГОДА.

НА ШАХТЕ ИМЕНИ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ».

Германию, у меня было такое чувство, ну, я не знала, пойду ли я сюда, чтобы вот так, как и с нашими детьми встречаюсь, встретиться с немецкой молодежью.

В первый же день в честь нашей делегации был дан концерт. И вдруг, после того, как выступила артистка, на сцене гасится свет, открываются занавес, и в неярких, как бы рассветных лучах мы видим наш краснодонский памятник. Это застала у знамени пять немецких юношей и девушек.

Потом к этому живому памятнику подходят учительница школы, с которой я веду переписку, и читает по-немецки и по-русски их письмо ко мне и мой ответ. И знаете, все — весь зал, правительство, Валтер Уэбрихт, — все стоя слушают

это чтение. Потом раздались рукоплескания, ко мне подходили десятки людей, калякали в верности нашей дружбе и говорили, что их за дела их соотечественников горячо жжет стыд... Я до утра не могла сомкнуть глаз.

— Вы видите почти на всех фотографиях в этом альбоме — Андриян Николаев, член нашей делегации. В московском аэропорту его встречали Валя и дочка Леночка. Мы разговаривали, наверное, около часа. Перед расставанием Валентина сказала, что, если у нее родятся сын, она назовет его Олегом...

В комнату вошла бабушка Вера, такая же, какой мы знаем ее по описанию Александра Фадеева, — высокая, сухоощавая, только уже не седоватая, а совсем седая. Села за стол, привычным

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 21 [1091]
Н О Я Б Р
1972

НАША ОВЛОЖКА:
ПЕВДЫ И ОЛИМПИАДА.

РЕПОРТАЖ СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА «СМЕ-
НЫ» ИЗ МОСКВЫ ЧИТА-
ТЕ НА СТРАНИЦАХ 28-31.

Фото
Дмитрия БАЛТЕРМАНЦА

4
РАССКАЗ О ДЕВУШКАХ
В МИЛИЦИЙСКИХ
ПОГОНАХ.

НЕДЕЛИММОЕ

12
ЗИЛ: ШКОЛА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ТРУДА.

16
«ЮНОСТЬ
ОБЛИЧАЕТ
ИМПЕРИАЛИЗМ».

24
ГАЛЕРЕЯ ШЕДЕВРОВ:
ВАН ГОГ. «ПЕЙЗАЖ
В ОВЕРЕ
ПОСЛЕ ДОЖДЯ».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«КОММУНИСТ»,
ПЕТР КРИВОНОС — ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

50 ЛЕТ СССР. В ГОРАХ АРМЕНИИ

АДМИРАЛ ФЛОТА Н. Д. СЕРГЕЕВ:
КОМСОМОЛ И ФЛОТ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лизанов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победносцев, Р. И. Рондественский, Е. И. Рабчинков, Г. В. Семенов, С. С. Самарин, А. В. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

Движением вскрыла конверт, и я услышала те же отмененный Фадеевым низкий громкий голос: — Это от Березовского с Киева. Бини до не приезжала, когда мальчиком был. А теперь у него самого дети: двойнята-школьницы — Олежка и Максика. Уже 18 лет переписываемся с ним.

— А теперь переноска,— продолжила разговор Елена Николаевна,— даются еще с войны. Это Кузьмов шлет из Эстонии. Вот и газету прислал. Он во время войны летал на самолете «Олег Кошевой», много у него очень побед было, много воздушных боев. Тогда он мне фронтовые газеты присылал, а теперь вот от нем мирные газеты. На столе кипа писем. В них два в этот раз их приносит до семидесяти. С разрешения хозяйки читаю последнее письмо.

«Наша искренняя любовь к молодогвардейцам идет из глубины комсомольских сердец. И эти любовь — не слова, а дела наши. Лучшее ее проявление — созданный на основе нашей с Вами победы тыменский военно-патриотической клуб «Молодая гвардия». Искренне любящий Вас Валерий Морозов, командир клуба».

— Он удивительно неутомимый человек, это Валерий Морозов,— прокомментировала письмо Елена Николаевна.— То он организует молодежь убирать и украшать улицы своего города, то устраивает воскресники. Про профессии Валерий строит, возглавляет бригаду каменисто-бетонщиков. Бригада носит имя Олега. И вы знаете, он как-то все, что он делает, увязывает с именем молодогвардейцев...

— А вот только что получила письмо из Болгарии,— сказала Вера Васильевна.— Хорошее такое письмо.

«Поздравляю Вас пионеры дружины имени Олега Кошевого деревни Лих Врачанского округа. Мы все горды, что носим имя Вашего прекрасного сына. Его улыбающийся глаза смотрит на нас с портрета на стене, зовут и увлекают к подвигам. Мы гордо шагаем с ним со словами: «Наша деля проверем в его глазах и метки управляем его улыбки». Он всегда будет барабаником в нашем марше.

Спасибо, дорогая мать, что Вы дали Родине такого сына...»

Елена Николаевна вслух прочла письмо и после недолгой паузы добавила:

— Я сейчас вспоминала такой интересный случай. Олегу было тогда лет семь. Мы готовились отметить бабушке день рождения. И он все беспокоился, что ей подарить. Потом попросил у меня денег, пошел в магазин, возвращается и несет портрет Дмитрова. «Поздравляю,— говорит,— тебе, бабушка, с днем рождения и дарю тебе портрет этого вождя. Я знаю, ты любишь его...»

То ли потому, что бабушка старый член партии (Олег это хорошо знал), то ли потому, что разговоры в доме и по радио тогда были о Дмитрове, вот он так все сам сообразил и сам же остался очень горд этим.

Еще пауза. И снова говорит Кошневая:

— Как-то я шла на работу, а Олег провожать меня пошел. Идем мы парком, а он и говорит: «Здравствуй, мамочка, я иду и заданно тебе». Я спрашиваю: «Ну, чем же заданно?» «Вот ты знаешь,— отвечает,— мне кажется, ты долго будешь такой, а когда постареешь, мы все равно всегда будем с тобой дружить».

И я, помню, ему сказала: «Олег, мне так хорошо с тобой, что я никогда о старости и не думаю». И, наверное, и не буду с тобой старой никогда...» Что вы читаете перестали!.. Удивительные письма пишут люди...

Письма

Е. М. ШЕВЦОВОЙ от комсомольцев
участка «Молодая гвардия»
завода «Арсенал».
Киев.

Однажды мы услышали по радио о том, что бригада продвигалась Федора Лобко закончила в свой состав Олега Кошевого и стала выполнять норму героя. Этого было достаточно, чтобы на комсомольском собрании единогласно решить: бороться за присвоение участку имени «Молодой гвардии». Участок у нас в основном состоит из одних девушек, поэтому мы решили привлечь в свой рабочий коллектив Любу Шевцову — замечательную, веселую, жизнерадостную девочку...

На следующий день у входа на наш участок уже выдвинулся надписи: «Здесь работает участок, борющийся за присвоение имени «Молодой гвардии».

А переступив порог монтажного зала, каждый встречался глазами с Любов Швецовой, портрет которой уже был сделан нашим художником Виктором Сметалкиным. С этого дня и началось... Девочки в белых халатах и накрашенных косичках

их, когда утром в сверкающей чистой заст, ведро бродит: «Привет, Любка!» — и Люба в ответ улыбалась: «Держись, девчата!»

Прошло несколько времени, и на нашем участке появился вымпел, отличающийся качеством изготовления. Мы получили высокие оценки за культуру рабочих мест, за организацию производства.

А еще через месяц вместе со знаменем «Ударник коммунистического труда» нам присвоили звание «Участник имени «Молодой гвардии» с вручением вымпела. Это было больше чем радость. Это было оценкой нашей, кто мы сделали...

Мы не только друзья всех дочерей, но и ее товарищи по работе. Люба является членом нашего участка, электромонтером, которую гордо носит имя претрестого разряда. На ее имя выписана трудовая книжка.

Вы знаете нас, Ефросинья Мировна, что Люба без Вашего ведома стала электромонтажником. Она принадлежит к замечательному поколению рабочего класса, которое гордо носит имя — красавицы. Люба во всем служит для нас примером. Работает она у шахтерского управством, как уже ее отец.

Достаточно сказать, что Люба является ударником коммунистического труда, ежедневно перевыполняет дневные нормы...

Мы гордимся тем, что Люба — член нашего рабочего коллектива, и даем слово, что Вам никогда не придется краснеть за друзей Вашей дочери. Желаем Вам счастливого домашнего счастья! Целуем Ваши руки.

Н. М. ИВАНЦОВА
от Данути Губогеньской,
Варшава, ПНР.

Дорогой товарищ Нина!
Пишу Вам для того, чтобы Вы знали, как много сделали для меня. Вы не удивляйтесь, это правда. Если бы не то, что я прочитала о «Молодой гвардии», о ее деятельности, о подвигах Ваших товарищей, и никогда не стала бы такой, какой сейчас.

Когда я впервые услышала о «Молодой гвардии», мне было 14 лет. Я ходила тогда в монастырскую школу, и мое мировоззрение определялось так: «Хорошо хотеть коммунист. Мои родители очень много работали и не имели времени хорошо заняться моим воспитанием. И так я стала очень реалистичным человеком. И вот я увидела картину «Молодая гвардия». Вначале я не верила, что все это правда. Но это было так здорово, что я захотела поверить. Я подумала: если коммунисты являются такими героями, если они, и молодые и взрослые, все отдадут и все делают для своей Родины, так это значит, что коммунизм — самая лучшая идеология в мире. Я узнала от моих друзей в Союзе польских молодежи, что Самостоятельно начала изучать русский язык. И теперь я самая лучшая ученица по русскому языку во всей школе.

Дорогая Нина, Вы уже взрослая, и для Вас может быть, будет смешным мое письмо, но я хочу, чтобы Вы знали, как я вам все благодарна за то, что вы вывели меня на правильный путь жизни.

Молодогвардейцы для меня являются примером, каким должен быть коммунист. Они для меня самые близкие люди. На моем письменном столе стоят фотографии Олега, Вани, Ули, Любы, Сергея.

М. М. ГРОМОВОЙ
от восьмилетних Ольги Петлевской,
Беломоново, Ленинградская область.

...Недавно я вступила в комсомол. Ох, Вы не представляете, какой это был день! Я стояла звонообразная, напряженная. Мне вручили комсомольский билет, и откуда-то издалека зазвучала голос Улы: «Будь достойной комсомолкой, Оля!» Я пришла домой и стала перебирать книги, рассказы, вырезки о молодогвардейцах. И мне казалось, что вот сейчас распахнется дверь и на пороге станет Люба Шевцова, улыбающаяся и спрашивая, за ней пойдут Ульяна, Олег, Ваня, Сергей, также же молодые, всегда живые для меня...

Е. Н. КОШЕВОВ от Н. Струнова,
Пос. Соколово, Алтайский край.

Дорогая Елена Николаевна! Пишу сразу же после торжественного вечера «С» этого начинается Родина, и хочу передать Вам то впечатление, которое произвело Ваше письмо. Мы слышали о Вас, о слуху на торжественном вечере, и невозможно передать, с каким напряжением люди слушали его. Я смотрел на умоулычивый зал и видел слезы на глазах очень многих людей. Это было неподдельное выражение горя и самоотверженно восхищения перед подвигами.

Я сам отец. У меня тоже сын, сын единственно. Я, конечно, не могу сравнить ваше чувство от

с материнским, но, поверьте, мы глубоко разделяем Ваше горе. Теперь фотографии Олега будут висеть рядом с фотографией нашего сына.

Нельзя о себе, и участии Великой Отечественной войны. В боях, во время прорыва блокады Ленинграда, было тяжело ранен в обе руки. Но сразу же после возвращения из госпиталей стал трудиться. Последние тринадцать лет я работаю председателем исполкома Железа — учительницей в школе. Сан Серержка работает врачом в красной больнице в Барнауле...

Все соколовы, моя семья и я сердечно приветствуем Вас и жееаем долгих лет жизни. С глубоким уважением
Струков Николай Терентьевич.

Р. П. ЮРИНУ от военов Уральского военного округа.

Радий Петрович, здравствуйте! С горячим комсомольским приветом воины-комсомолы...

Со словом «Молодая гвардия» связано для нас очень много, и в первую очередь всегда является примером в выполнении долга... Вот и сейчас комсомолы готовятся провести вечер «Герои Краснодона» — пример служения Родине. Поэтому мы решили написать Вам это маленькое письмо и заверить Вас в том, что мы всегда готовы к этому порыву, если он посылает на нашу любимую Родину, и выполним свой долг так же, как и вы, герои Краснодона...

Секретарь комсомольского бюро Федоров.

Музею «Молодая гвардия»
от **А. ДИМЧЕНКО**, инспектора
детской комнаты милиции,
Ст. Ново-Ильинское, Краснодарский край.

...Написать это письмо мне заставил случай. Одного из мальчиков в комнату милиции привел двух мальчиков. Слава и Вита (так звали их) признались, что они хотели украсть велосипед, оставленный кем-то возле школы, продать его и... купить портрет Олега Кошевого и книгу «Молодая гвардия».

На другой день я поздно задержался на работе и вдруг слышу — кто-то постучался. Входит Славик и Виталин:

— Анатолий Николаевич, расскажите нам еще что-нибудь о молодогвардейцах...

Я коротко рассказал, что звал по книгам и кинофильму. А на следующий вечер мой кабинет был полон, и я читал своим воспитанникам роман Александра Фадеева. Как же не похоти были все эти ребята на тех, какими их впервые увидели в кино...

...А еще есть у меня мечта побывать в Краснодоне и зайти в наш музей.

Музею «Молодая гвардия»
от комсомольской группы им. Б. Гавана,
г. Кишинев.

Вам доказывает бригада имени Бориса Гавана Кишиневской швейной фабрики коммунистического труда.

...У нас 12 человек стали ударниками коммунистического труда. 6 — мастерами «Золотые руки». В фонд борющегося Выетнама мы отработали два рабочих дня.

Все девчата бригады учатся.
Мы детально и глубоко изучали работы В. И. Ленина «Великий почин», «Апрельские тезисы», «Задачи Союзом молодежи».

Мы несколько раз встречались с соратниками В. И. Ленина, с матерью героев-молодогвардейца Бориса Гавана 3-го Т. Гавана и ветеранами войны. Все эти встречи оставили в наших сердцах незабываемый след.

Имением героев великих сражений, — Имением тех, кто идет за нами, — Имением нашего поколения, — Имением, нам дорогими — Мы являемся бы достойными их бесстрашия.
Мы — это бригада Олега Кошевого.
Мы — это бригада Ульяны Громовой.
Мы — это бригада Сергея Тюленина.
Мы — это бригада Бориса Гавана.
Мы — это бригада Любы Шевцовой.
Мы — это бригада Вали Борн.

Мы — это олимпийская тренировка памяти о тех, кого нет сегодня с нами. Мы носим их победное знамя...

Е. М. Г. И. ШЕВЦОВЫМ от пионеров
7-а класса школы № 72, г. Назань.

...Наш отряд несет имя Великой дочери Любы Шевцовой. Мы вводим ее датки и тетрадки по различным предметам. Люба нет ни одной четверки. Лучшие ученики отвечают за Любу задания уроки, пишут контрольные и домашние работы. На собраниях председателем совета отряда всегда разругают: «На сборе присутствовать почет-

ная пионерка нашего отряда Люба Шевцова». И все мы дружно отвечаем: «Герой Советского Союза Любовь Шевцова была смертию храбрый в борьбе за свободу и независимость Родины!»

Недавно мы писали сочинение «Что ты знаешь о Любе Шевцовой?». Почти все получили хорошие и отличные отметки...

М. Т. ШИЩЕНКО от комсомольцев сельхозмашинного техникума Шуншенское.

Дорогой Михаил Тарасович! Вы, конечно, много слышали о нашем Шуншенском. Здесь выделяется героическая, а к столетию Ильича уже была открыта мемориальная зона «Сибирская слава» В. И. Ленина. В это же время у нас в техникуме была открыта Ленинская комната с большим количеством материалов о вождях.

Мы глубоко чтим память героев-комсомольцев, уже присутствия к сбору документов, связанных с «Молодой гвардией» Вадима Гавана, обращаем к Вам, одному из главных участников легендарного подвига, с просьбой написать нам о своих незабвенных товарищах. Мы будем счастливы также видеть Вас на нашей шуншенской земле.

Е. Н. КОШЕВОВ от Натальи Юзов,
Перовки Убинского ЦС.

Дорогая Елена Николаевна! Пожалуйства, не сердитесь, что я, незнающий Вам человек, пишу это письмо. Зовут меня Катя Юзов, мне 21 год. Недавно я прочитала книгу «Молодая гвардия», и знаете, дорогая Елена Николаевна, как я плакала, когда Олег погибал, от фашистов. Пожалуйства, когда Вы будете в гости в Вадимово, обязательно положите маленький цветочек и от меня. Спасибо!

Елена Николаевна, напишите, какие Олег любил читать книги. Я их тоже буду читать, так как умно читать по-русски, лишь пишу я не очень хорошо, еще с ошибками.

А кем тогда стал Олег после войны? Пожалуйства, расскажите мне о нем немного. Знаю, он мне, как брат, который рано умер и я о нем мало знаю. А когда думаю, не мне ли становится очень жалко, как родного.

Я хочу также поближе познакомиться с советским народом. Я очень люблю советских людей. И хочу стать такой, как Олег и его друзья.

Ираснодонцам от речников
п/х «Канси» и т/х «Речной» г. Уфа.

В глубоком покое склонены мы головы перед родителями и учителями, чтобы сделать нам смелых и бесстрашных борцов. Мы почти все молодые, рожденные после войны, но нам кажется, что мы жили, боролись и умирали вместе с «Молодой гвардией». И каждый из нас уверен, что в минуты опасности он будет для Родины так же сыном, как молодогвардейцы...

Капитан п/х «Канси» Ахматов,
Капитан т/х «Речной» Б. Иванов.

Р. П. ЮРИНУ от Тани Дробь,
Алма-Ата.

Завтра наш класс будет вступать в комсомол. А сегодня я пишу в Краснодон, чтобы сделать свой последний пионерский салют я отдаю вам, молодогвардейцы...

А. В. ТЮЛЕНИН от бригады им. Героев войны.

Дорогая Александра Васильевна! Хотим поздравить Вас, что мы с честью несем имя Вашего сына, дорогого нам человека Серержки Тюленина. Бригада наша не один раз занимала первые места в соревнованиях комсомольско-молодежных строительных бригад Алгарса. Мы были награждены почетными грамотами от руководства комсомолом, почетными грамотами. Так что мы открыто и честно можем смотреть Вам в глаза. О Вас мы всегда помним и часто говорим.

С горячим сибирским приветом бригадир Е. Гаврилова.

Когда мне бывает трудно, и приезжаю в Краснодон, Ульяна Венедиктовна, т. Алгарса, молодогвардейцы согретые сердцем, заглядывают ко мне, собирают друзей и нам бывает радостно, мы тоже приезжаем в Краснодон. Чтобы острее видеть жизнь, глубоко понять и оценить ее. Может быть, даже для того, чтобы вынести седьмидневное счастье было сполна оценено нами.

Так написала Вадислава Титов, дошедший нам, мужественный человек, автор книги «Всем смертем назло».

Что еще добавив к этим словам...

ВОТ У КОЛИ, НАПРИМЕР, МАМА- МИЛИЦИОНЕР...

Александр МАРЬЯМОВ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

Должно быть, в каждом из нас живет эта мистическая скорговорка мещанских строк. В эти минуты они выныривают из областей памяти, словно вешнее эхо теплого дивного детства, и тогда все мы впадаем в простраи и экзальацию.

А может, это нам только кажется?

Итак, была темная июльская ночь. — Извините, — коррективно объясняю течение моей фантазии — этой лейблэйт миланции Ирина Басова, — но наш взвод патрулирующих улиц Риги только в дневные рабочие часы. Мне кажется, правнее было бы начать так: «Был теплый июльский утро...»

Что ж, пусть будет прошлая Ирина.

...Где-то к концу недели небо над Ригой затуманило темными тучами, сдвинулся ветер, и частый летний дождь пролился над Ригой.

«Желто-синяя» наша «Волга» — ГАИ иначе, как «кварцевальная», не называется — шла в дровяном ритме, уже 60 километров в час на скорости и почтительное равнение на ее со стороны таксистов и «честно выстроившихся» чиньных колоннах справа и слева. Наверное, все они обладали водительской мудростью инспектор не торопится, стоит лишь сшить вам!

Вокруг размеренность движения многоцветных зонтов на тротуарах, чистота красок омывает дождем земли... Но вот в динамике под прищипанным щитком посыпалась сквозь межзвездное дисперсионное вещество: — 49-й! Выслезало 49-й! Отвечала Ваша координаты! Прием.

49-й — это бман как раз мы.

— Житовыр! И — 49-й! Накончили райове вокзала... Прием.

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ИРБА ДЕНИСОВА ВЫЕЖДАЕТ НА ЛИНЮ.

ПОСТ НАТАЛЬИ КОЛЕСНИКОВОЙ В ОДНОМ ИЗ САМЫХ ОЖИВЛЕННЫХ МЕСТ ГОРОДА.

Я смотрю на Любу Баласкину с заднего сиденья. Видала тугой узел светлых волос под фетровой младавской шапкой, отраженные в смотровом зеркальце чуть прищуренные ее глаза. Сразу — и затылок и глаза. Сразу — и спокойствие и тревогу. «Житомир» сообщал, что на углу улиц Ленина и Дзирнава летковая машина столкнулась с мотоциклом. Мы должны были срочно прибыть на место происшествия.

— Вас поняла, — ответила Люба. «Канареечка» нырнула в боковую улицу и, резко нарастив скорость, повисла по осевой. — Вот вам и дождик благодатный. Только его нам и не хватало... Сегодня работы у нашего звзда будет больше, вот увидите.

Первый взвод Отдельного дивизиона Дорожного надзора при Управлении внутренних дел Гит — не правда ли, звучит внушительно! А если прибавить к этому, что во взводе этом служат 36 молодых женщины под командой лейтенанта милиции Андрея Казакса, то и романтично.

Ровно в восемь замполит дивизиона лейтенант Владимир Шуманский построил в гараже все личный состав первого женского взвода для традиционной поверки, которая здесь называется коротко — разводом и возве не рифмуется с бытовым значением этого не слишком веселого слова, ибо подразумевает разведение постов, отдачу рапортов, подведение итогов минувшего дня и распределение заданий на предстоящий день. И все было, как всегда, деловито и буднично.

— Как мы работаем! — Это мне Дайна Ирбе рассказывала. — После утреннего развода каждый идет на свой участок. Дежурием там до часу. Потом обед. И опять до пяти работа. В дивизионе сдаем рапорт дежурному и расходимся по домам. Вот и все... Но ведь восьмичасовой трудовой день лишь предполагает работу, смысл которой, напоянение лежит порой в них, привычно неприметных для профессионала плоскостях, где-то в границах элементарной формулы: дело свое дело. А как? Каким образом? Почему?

Два года назад был создан первый в нашей стране (самна, что кое-какой опыт в этом деле уже существует в ГАР и Польше) Отдельный женский взвод автоспекции. Мне хотелось увидеть девушек, избравших для себя столь необычную профессию, узнать, как приходят они на работу в ГАИ, что за службу несут. И вообще женское ли это дело — работа в милиции!

Через полчаса мигнуты после получасовой информации на углу улиц Ленина и Дзирнава. Люба Баласкина приседалась к работникам автоспекции, измерившим рулеткой очерченный мелом тормозной путь «Жигулей». Сами же «Жигули» были уже отогнаны к тротуару, рядом лежал изрядно покореженный мотоцикл. «Передем вог», — скажет мне потом Дайна Ирбе о мотоциклисте, к моменту нашего прибытия уже уклевном «Скорой помощью». Движение на перекрестке обрело привычную интенсивность. И лишь вокруг незадачливого владельца машины, с которым Дайна вела беседу, заволаива блэк

РАЗГОВОР С ВОДИТЕЛЕМ.

милейской протокола, густела до-вольно внушительная толпа зевак.

— Расследование крупных дорожных происшествий и катастроф не входит в наши обязанности. В таких делах мужички, как правило, более компетентны, — говорила мне потом младший лейтенант Ирина Девисова. — Если же они случаются на центральных улицах города, где мы ведем дежурство, то нам следует задерживать виновных — иногда это, правда, сопряжено с преследованием, с погонею, если хотите, но — должна вас разочаровать — такая случается редко; затем мы вызываем дежурную машину ГАИ и «Скорую помощь». Остальное их дело, и нам остается лишь помогать: оставлять протокол, описывать свидетелей и т. д.

— Значит, ваш взвод играет этак-таки вспомогательную роль в ГАИ? — В ГАИ и в милиции вообще не принято это деление на главных и ветагентов. — Ирина сказала это очень серьезным тоном. — Безопасность на улицах города, спокойствие и порядок — разве в этих вопросах можно считать что-либо второстепенным!

Нет, она не обиделась. Должно быть, уже привыкла ей сталкиваться с подобным недоверием к их профессии. А может, терпимость и такт, проявляемые Ириной в этом вопросе, входят в круг ее многочисленных обязанностей! Как секретаря комсомольской организации девушек, например! Или как первого заместителя его командира, сейчас в отсутствие лейтенанта Андрея Казака выполняющего его функции!

— Я, например, всегда мечтаю стать следователем, — говорит Ирина Девисова. — Поступила на заочное отделение юридического факультета и wanna работать в милицию. Сразу и теория и практика. Сейчас учусь на последнем, пятом курсе. И знаете, милейской опыт, участие в дознаниях и следствиях очень мне помогают.

— Значит, вы студентка, командир и комсорг. Не много ли?

— Я же говорю, что работа и обязанности комсорга? С ними я тоже справляюсь довольно легко: многие девушки и нас учатся — Эрика Могалянская, Катя Филипова, например. Многие курсы при школе милиции посещают — прежде чем получить самостоятельный участок, у нас обязательно нужно курсы закончить, получить водительские права и пройти стажировку в паре с опытным инспектором. Ну, а остальные всегда помогут — и самостоятельность организовать и походы всякие, вечера, полевые занятия...

На стене одной из комнат дивизионного штаба висит большая таблица, сплошь испещренная цифрами, — это, так сказать, показатели успехов в работе каждого взвода в отдельности за период полугодия: сколько зарегистрировано нарушений порядка, задержано водителей, отправлено пешеходов и т. п. Статистика, как вы сами понимаете, не ахти какая веселая, но что подольше, милейская профессия не очень-то располагает к умбам. Так вот из этой таблицы явствует, что женский взвод за шестнадцать месяцев задержал 2 446 водителей, нарушивших правила уличного движения; что торопышность и бесшабашность городского перехода уже обошлась ему, пешеходу, в 11 741 рубль штрафов. Я не большой любитель громоздких внушительных цифр, но в этом случае решила обратиться к ним, дабы все мы могли лучше представить себе истинные масштабы вашей уличной неорганизованности, борьба с которой, каждаядневная и ежедневная, является задачей в милейской форме.

— Безопасность пешеходов, пожалуй, основная наша работа, — говорит мне Наталья Колесникова.

Вот уже второй час ходим мы вместе по улице Ленина: три квартала туда, три — обратно, от угла улицы Революции до красноватого асфальтового костела. Дежурим на ее участке.

Я, кажется, начинаю привыкать и к кливным заявлениям водителей и к жалобам оштрафованных пешеходов, готовых выслушать из симпатичную голову девушки-милиционерки промонотонные кары своих рублевых обид.

Я, кажется, начинаю понимать, за что это и почему я так люблю работать в Союзе, рижской городской автономии: решила организовать отдельные женский взвод.

Все эти вариации учебного спонсорства — большие и маленькие, старые и молодые, бегущие на красный сигнал светофора, норовящие пересечь улицу под самым носом мчащихся автомобилей, рассеянно бредущие по проезжей части вдали от пешеходных переходов — все они гораздо острее чувствуют собственную вину, если в качестве наставника их на путь истинный выступает женщина. Да еще молодая, да еще симпатичная. Это из области человеческой психологии, из категории безусловных наших рефлексов.

В разговоре с заместителем Владимиром Шуманским я уяснила себе и другую сторону дела: милиционеры-мужички, оказывается, не очень-то охотно занимаются пешеходами. Часто бывает им неловко как-то свистеть вслепую перебегающему улицу мальчишке, вести разгневанные беседы с угрюмыми старушками. Это им кажется несолонным, пустичным в масштабах возложенных на них задач.

— Впрочем, все это, конечно, ближе к теоретическим выкладкам. Но в многолетней милейской практике достаточно много тому доказательства — Шуманский умяукался. Работа с пешеходами на центральных улицах Риги, где дежурят наши девушки, стала куда более эффективной. И прежде всего потому, что в ней должны проявиться качества, в большей мере присущие женщинам: терпение, мягкость, организованность, если хотите, даже обаяние...

Наталья Колесникова идет по своему участку, привычно, словно касаясь боковым, отраженным взглядом подмечая все, что происходит на его мостовых и тротуарах. Многие месяцы, проведенные в этих трех кварталах, изучая ее безошибочности, ориентации, несуетности движений. Кое-кто из прохожих здоровается со своим участковым инспектором, останавливается, чтобы переброситься с ней парой слов: как дела? Как здоровье? Что нового в районе!

А я замечаю, как придирчиво ловит порой Наташа свое отражение в зеркальных витринах магазинов, как безразлично поворачивает она голову плечку с козырьком, отбрасывая прядь длинных волос, разглаживая ладонью форменный галстук...

«И обаяние», — повторяю я про себе слова заместителя Шуманского, мысленно возвращаясь к впечатлениям недавнего утра, когда девушка разсыздалась из гаража по своим участкам. И Дайна Ирбе подкряхливала губы, смотря в круглое зеркальце на руле мотоцикла, и Люба Баскавская держала в губах пинцаль, орудовав со своей прической, и пригоранивалась в створке Эрика Могалянская, судачила с подругами о мнине и максе Вала Егорова. И как требовательно отдалась себя перед зеркалом младший лейтенант Ира Девисова, это я вспоминаю тоже.

Там, на участках, им предостояла обычная восьмичасовая рабочий день, предостояла встреча со многими людьми, знакомыми и незнакомыми. Предостояло посещение школ и детских садов, где беседуют они с детьми о правилах уличного движения, посещение

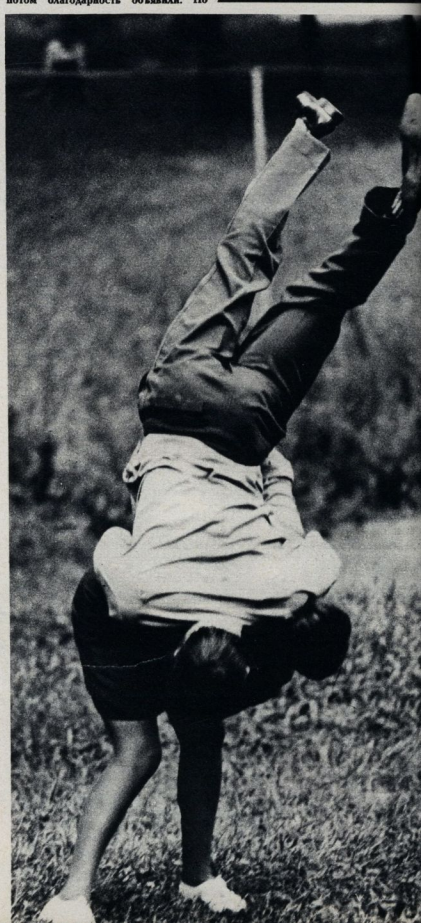
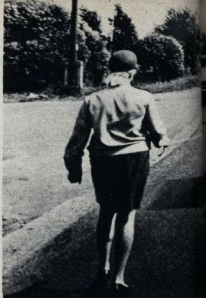
фабрик и учреждений, где работают их помощники — общественные агитинспекторы. Предостояло быть на виду — с восьмью и до семидесяти милью.

И они хотели быть симпатичными и женственными в строгой милейской форме, которая, право же, им очень к лицу.

«Наша «каларечка» вновь шла в покое атоманира. Теперь уже радом с Любюй сидела спереди Ирина Девисова, в обязанности которой, как командира, входит ежедневный обход участков. На одном из перекрестков младший лейтенант, обернувшись ко мне, сказала:

— Вот отсюда Дайна гналась за угонщиком машины...

— И донесла! — Конечно. Только в другом конце города, за Даугавой, на окраине. Ей потом благодарно объявили. Но

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ, ИНСПЕКТОР ДОРОЖНОГО НАДЗОРА ИРБЕ ДАЙНА — НА МЕСТЕ ПРОВЕЩЕНИЯ.

И ДЕВУШКИ ВЛАДЕЮТ ПРИЕМАМИ САМБО.

КОНЕЦ РАБОЧЕГО ДНЯ.

ЭТОТ ЭПИЗОД ОПЯТЬ-ТАКИ для нашей службы не типичен. Вот пьяница в вытрезвитель доставлять — это, к сожалению, типично. Пошла — Она уямбулась. — Девчата все интеллигентные заведения на своих участках изучили. Знают и часы и даже дни «пик» возле них — это когда зарплата. Занятно, конечно, но не приятных, но что поделаешь!.. А в смысле обращения мы с ними получше иных мужчин управляемся. Иногда такое словоцо ему скажешь, хоть сквозь землю провалывайся!

Да, вот такая у них работа. Белоручкам тут делать нечего — не для них она. Поэтому и строг отбор желающих посетить себя дорожной службе в женском взводе ГАИ. Требуются здесь не только законченное среднее образование, но только отличные характеристики, но и всесторонняя проверка личных качеств.

А почему выбирают они эту хлопотную во всех отношениях профессию?

— Вот вы, Люба, например!

Она глянула в обзорное зеркальце, уямбулась, пожала плечами:

— Интересно. — Потом добавила: —

И нужно, наверное...

Так или почти так говорил мне и Дайна, и Эрика, и Наташа, и Валя, и Маруся, и Весма — все те девушки, с которыми разговаривал я в штабе Отдельного дивизиона дорожного надзора, с которыми несколько дней краду выходила вместе на дежурства. Они не всегда могли объяснить, почему и зачем, но они по опыту своему уже знали, что работа их интересна и нужна.

..У перекрестка широко уямбулась вам Дайна Ирбе, взвзд под козырек, заглядывая отсалатовала жезлом, открывая «квантаречко» путь в лабиринт центральных улиц Риги, на тротуарах и мостовых которых несла милиционерскую службу ее подруги.

И вновь веселый рефрен меклаковских строк вернул меня в детство.

— «Вот у Коля, например, мама — милиционер», — заговорщицки сообщила и сидящим на переднем сиденье девушкам.

Они засмеялись, принимая игру, а Ира Денисова сказала:

— А у дочери Кати и Петраса Паславкасов милиционеры и мама и папа. Вот!

СВИДАНИЕ В ПАПОРОТНИКАХ

Фазиль ИСКАНДЕР

РАССКАЗ

Рисунок Владимира ФЕКЛЯЕВА

Впервые они встретились в прошлом году. Тали с вывадом двоюродных братьев и сестер (детишки так и ткувались за ней, хотя она их иногда и покарывала) стояла на дороге недалеко от дома. Она сбивала папкой еще зеленые грецкие орехи, и возмущенный колокольчик ее голоса то и дело звенел, потому что дети бежали собирать сбитые орехи еще до того, как ее папка успевала ухватить на землю.

Еще не видя ее, Баграт уже угадывал ее голосу, а потом, когда за поворотом дороги сразу же открылась сень огромного орехового дерева и под ним подожими маленьких детей с жадно запрокинутыми наверх головами, со ртами до ушей, измазанными соком зеленой кожуры орехов, а рядом с ними даунюгокая девочка-подросток в свободном ситцевом платье

как будто знают, что влюблен,
и на агониве засыпают
пустой перрор, пустой перрор...

Фореель идет по водопаду —
сверлит зрительную громаду
и выше, в горы, в облака!
Уже в своем наряде брачном,
играет в холоде прозрачном.
И, изваяв черваша
на острую иглу стальную,
в ядругу заговорил с червем:
— Зачем оставил глубь земную
и вышел подходить дождем!
Что знаешь ты о вечной агле!
Ты ничего о ней не знаешь!
Зачем же на кривой игле
ты снова мне надолго встал!
Знак беспредельности — восмерку!
Знак к навиному восторгу
ты черной нитью подпустил!
И жизнь свою не различил!
Фореель идет по водопаду,
поток стремительный сверлит,
так тебе гугулю громаду
изваяний промывает вани!
Внизу бегит ручей бесшумный,
цветет высокогорный луг,
и мысль конструирует: а вдруг
есть радость выше скорби вечной!

Сило твердам от холода тепло.
Догора, звезда пролетела,
и гора в полете погасла,
ведь строки ночная идет —
автоматом режут пространство,
прекряпят к земле небосвод!
— вселенной — режут капитальный,
снимк холда, сборки, костры,
сикт крыла над болотом прощальным,
идт мляия и тревожной порой!
Прикончивсь к березе щекою,
крузу ставит щека надной,
Вестик струи с охрипшей трубой
иконо-изико летит над водой.
У природы простые законы,
гравит. час все как есть осознать.
Промывается небо сквозь кромь —
негде с вечностью в прятин играть!

Реуву громады оснований лесов,
где бьют из земли родник ледяные,
где свашут тревожные птицы ночные
и забивт вселенная в море озов...
Реуву упавшую морскую рою,
и восток, и полночь, партию,
когда мне ладонь покаявал дождь,
не просто люблю, а до боли ревную —
предостоявший тебе дни
и ответ забывая на бедной агле —
как то как трюном они полюбили
и так оспорбительно хватал они.
А сыпался, и стужу, и бледный рассвет
в простую любовь и уже не ревную —
есть просто Учалкаш. И слышет
вслед
ненастье крупную свою ледяную...

Прямо с кручи, с разгона, с разбега —
в лес, прижавленный тучностью снега,
в поредевший заснеженный бор,
где повывелся волжик и сказник,
но равнявет еще до сикт пор
агонив, патронки и каски,
В партизанский задумчивый лес!
Он от зноивного уха очистил
и обмянул ветку, как отец,
и небойно вонючий привнесет.
Мерзлой клюшкой меня угостит,
в подбешее белочника покажет,
вместе в гору пойдём — заскрипит
и потеклом обидоро сваяет:
— Так и старым, а ты возмужал,
на высокую вышел орбиту,
Ты возмел к беды зашадца,
я тебяж мне меня под защиту...

Нахлунуло со всех сторон,
но руюн — мимо, губы — мимо,
а ты стоишь в объятьях дыма,
и знаешь, солонца озарил
пустой перрор, пустой перрор.
Но, обмякая горной дымы
своей охотеркой волы,
ты ядругу поймешь, поймешь,
до боли,
что нем-то все-таки любила!
Какой-то мляию — отдаленной
от этой сурты мирской —
березку испявельной, в
в нар отработанной реной...
И здесь они тебя встречают,

Где б ни встретились со стариню,
как пред собственным прошлым стоим.

Я стрютор на огонь, как на чудю,
словно голос услышал земли,
грустно думая,
что ям,
оттуда и
зачем ненадолго пришел!

Море ночью

Каспийские волны ровные огни
Расставлены в опраке южной ночи.
И дальше во тьме удалены,
и в близком расстоянии не короче.
Как древний грек,
ты верхиш:
с даришек лет
твердь неба шапкой на море надеть.
С той разницей,
что дальше целый свет,
а не ночью, как полагаи, света.
И слухом тужи несообразный страх
мне тревожит ошущением глупым,
что не прорвать мне неба черной
в купой
в открытый мир, оставленный вчара.
За куполом Бату скрывает агла.
И там, адаль, за морем, за горами
иольская Россия пролетела
зелеными, росистыми холмаи.
Там ставит жизнь очередной вопрос.
Там женщина, быть может, дни

и дум можи,
что я сюда уезз,
мне кажется, там очень не хватает...
О ночи!
От газа простора не так.
Хоть б луну заглово по тьме
в послушную...
Но волны, словно помыслил мю,
почивает море равнодушно.
Под еставадой,
Море бьет черны,
изгибы волн подблескивает скупо.
Огни далеких вышек нефтяных
поддерживают неба черной купой.

Прогружа но амриджанам

Я хочу, чтобы ты полюбила
этот в камби оправленный сад.
Все здесь, словно нарочно, как было
на земле пять столетий назад.
Коридоры блудящих улиц
вадьт боляшик грубоиспеченных стен,
незаметно помину раицентр,
вышли в прошлое и не вернулись.
И адыль стен в нду коридором,
где асфальт приносрет песком,
перелетком рывам, над которым
облака проливывают гуськом.
Линь песок, да жара, и ограда,
но калитку любую отрой —
и зеленое пространство сада
растурасает перед тобой.

Как изнежена зелень густая!
Капли вишен поверж головы.
Только странно: вижу не хватает
нашей мягкой веселой травы.
Деды ставили камень на камень
не в библейское время,
но все в
и в их кровн староресторенная палька
сохранна древнейшиной чертеш.
И во вынужд,
не видный сразу,
этот дедовский дух не зачас:
попылает горелка для газа
во дворе,
что жие в яне очагду.
Что словно з яне протуюю,
что застрал здесь с воньнейшей
своими.

Молодая крестьянка одна
в дом востанова охлану помыл...
Мне скакала в тот вечер она,
как родила мой тет и в помине.
Знать, наяриво носела несли
в эту даль мою бедную душу,
если только крестом из земли
память прошлого рвется наружу.
Столую кто надо нападло завед
на родные поля и домы,
что момент удивленно погост,
весь серебряный от лунным.
Как великие умы родства,
эти инти, знакоми с детства,
на лице ошущти в спервах,
а потом уже где-то у сердца.
И стоял в средии лугуви
и душой помятой оробой,
что остался один на один
с мой родной, оспиретый.

Легенда о трех невестах

Где востанова радуга в землю,
как стрела, —
из лозара разнога сима мать...
«Сын мой, на обочине
внугу спориш...»
У Прокоя дочери
больно хорони.
Бресь дружишся с колымак,
метить из ружья.
Старшая Прокояевна
«Идет тебе в муть».
В годы дни слагается свет горит в окне.
Головы слагаются в дальней стороне.
«Сын мой, добрым вестником
стать и не сегодиш...»
Старшая с колесником
под венец пошла.
Но трава протоптана
и в твоей ступотана
и в твоих ступотанах
с нашим коловом.
«Младшая Прокояевна
соизвет по тебе».
Только нет обратного голоса в ответ.
Только с поля ратной возвращающая
нет.

«Сын мой, степь помячена
зледа да ковылем.
Средняя повывачна
с нашим коловом.
Но кибя протоплена,
испечен пирог...»
Младшая Прокояевна
идать два зарюю.
В одинокую горнице ходили стучат...
А заборм горбятца... А годы летят...
«Сын мой, с красным прятником!
Снова мнуга год...»
Младшая с колесником
бд венец нимет.
Не добро наповлено —
горе со слезой.
Раставяшся с колымак,
приходи домой!

Мария РОМАНОВА

Хороша ли, плоча ли примет!
Часто снится белая хата
в два оконца с герань-горничетом,
Под соломенной крышей покаяной...
Часто снится мне отчая хата
У неслышной люты кривяной,
Всегда глядит уздоями солдатам,
Как заплаканная молодича.
Снилка, сторбисан, видню, родная,
Почернели белые стены...
Как немешь ты сегодня, не знаю,
Уцелела ли в пекле вонюем!
О моя забыватая хата
У ошомым Новой Прилуну,
Ты сынула б, как бывало когда-то,
Приглубить меня, убоянать!
Или, измены мой не приемля,
После догой-предогой разлуки
Осудившь все глубина ты в землю,
Моя хата у Новой Прилуну!
Ты мне грешница дину и можию,
Не сотрет тебя в памяти вреню.
Надо верить примете хорошей,
А в плочую примет не верить.
Пахнет, пахнет оресет горчицетом,
Часто снится мне отчая хата,
Озаренная радиком рассветом,
Опаленная поздиком зякотом.

Кольбельная

Здесь тиха и вода и трава.
Дриновель — и те пригубили...
Починается в дремоте еда
Приберезный лужок «дрёмы-смолюя,
Да ктынь-тенья ядруг неведомо где,
С озачобичным мляим лицом!
В благодатной лесной тишине
Речна с ласковой, грустной улыбкой
Все качает меня на волне.
В камышовый фанкет забье.
С озачобичным мляим лицом
Надо анюю наклякнеть нива...
Где-то жаворонку — бубенцол!
И такой становился в счастливым,
Словно нет ни тревог, ни забот.
Словно детство верилу мне мудесник;
И природа, как мама, поет
Надо анюю кольбельные песни.

о двор привезли асфальт. Матовая, черная масса, жарко жила, лениво вывалилась из машины. Но как только во дворе заляло будущей дорогой, парни-асфальтовики весело бросили лопаты. «Эй! — кричал один из них, ажурно целясь на забор гуляющего по соседнему двору человека, — время обеда, а вы, хлопцы, на завтрак». Потом мы видели, как выдергивали они лопаты из уюта застывшей, приспавшей, неожиданным снегом кучи и угуляли.

Каждому делу есть свидетели. Старушка прогуливая во дворе внука. Она укороженно смотрела на удаляющиеся спины: «Нравятся от работы сбегать?»

Ну, какая ж это легкость — работать за асфальтом! Оставшим асфальтом? В том-то и дело, что ничего не выгадали парни, прогнали же по всем статьям качества работы, и во времени, и в затраченной силе. И если качество с определеню момента существует уже независимо от работника (как сделали, так сделали), то силы и время, отданные непроизводительному труду, уже долго будут напоминать о себе уставшими мышцами, перетруженными суставами. Элементарная непродуманность (назовем это самым деликатным словом) наших асфальтотроиков была очевидной, и согласован с тем, что и в отношении от работ выебаться, было бы просто несправедливо: оно не получило больше. Но это то «больше», которое, честно говоря, никому не нужно.

Мы спросили у одного из них, парня с пронзительными инстинктами глазами, мог ли лично он уйти на перерыв позже, но разобрать асфальт горячим. «А чего? Конечной и есть еще хлебцы! Тот, кто сидел на катке, признался: «Все пошли и я». Третий сказал: «Вперед пусть машина приходит. Их (т) учить надо, четвертый сказал: «А! Не подумайте, себя сделали хуже!»

Понятно, — сказал Игорь Колосов, товарищ участя гидравлического насоса, которому мы рассказали о наших наблюдениях. — Рационально, и совместно, история. А то, что близился перерыв... Вы можете себе представить, зачем я вышел раньше и пошел малость перекурить? У него, видите ли, рожки... Все там, когда выполняешь работу, ты прежде всего пытаешься сказать из того, как сделать лучше. Не за себя, лишь бы деньги получить, а лучше... Разве нет?

Ну, хорошо. Один исходит из соображения, как «сделать лучше». Другой из иного — «заработать не волось. Третий, к примеру, из мысли, что он дела какого-то конкретного дела слишком хорошо и потому не обязательно отдавать ему все силы... И все эти точки зрения никаким экономическим отделом не запрограммированы. Безосознанность, нерадивость, лень, дурная организация, перфорку не заносится, но обязательно проявятся потом в результате трещины в стене дома, остающихся исправляемых дефектов в замком. Да ну же! Тут приводит примеры? Мы их все знаем. И и кладем, имея дело с браком, не того заложника, который испортил изделие в сборку все организационно, в которую которой оно вышло. Где уже нам разбираться, кто конкретно виноват? А такая персональная вина есть. И искать ее приходится в области, так сказать, идеальной — отношении человека к делу. Именно эта незапрограммированная штука обязательна жить в организации, результаты: что-то недоделано, что-то сделано плохо. А что-то, наоборот, заделано неожиданными границами... Человек одушевляет свою работу, своим отношением к ней.

У асфальтотроиков «души в работе не было. Игорь Колосов, «старому» (он на заворе больше еста-

лет) зловеще, хлупорное отношение к любому делу просто противно. — Отчего так?

Запутались, в конечном счете все равно, в каких качествах самого работника, но есть «фирмы». В данном случае секрет ЗИЛ-а. В чем он состоит? Здесь уютно, методично воспитывают в школах коммунистического труда образцовое отношение к делу.

Когда сказать, что это тот случай, когда все помогает делу — и история завода, яркая и чистая, и высокий уровень сегодняшнего производства, и массовое увлечение молодежи техническим творчеством, изобретательством. И наконец — а может, это и самое главное — наличие сплоченной творческой коллектив. Здесь не просто стремятся работать добросовестно — а как же иначе! — здесь озабочены экономической выгодою при наименьшей затрате человеческих и машинных сил.

Рассказали нам на ЗИЛе про существование лаборатория для заводского климата историю. Делю было в себе домашних холодильников, в бригаде Геннадия Мамедовича Мокина. Занимается бригадой изготовлением эмблем к колпакам машин. Основное сырье — лак, анилиновые красители, растворитель. Растворитель доставляют в бригаду в громадных флаках, а потом что-то стал пропускать ваниль — это сразу не заглядели на работе. Бесспорно, Мамедовичу пришлось участвовать и сотрудник отдела надзора — бесположно. И тогда Володей занялся сам слушателем хорошо, и нему домой, познакомились с его друзьями. Сейчас с помощью товарища Володея все свои дела наладили. В декабре уже исполнилось 18 лет. Мы преподнесли имениннику подарков и выступили с хостатажом благодарности. Нам пришлось упомянуть имя звания «Ударник коммунистического труда».

Вот смысл школы — она учить должна не только существо дела, но и

нших. Мастер — он не чаще всего пропагандист слушает — тебя слушает, товарищи слушают. Он твою работу, или путь пашьешь, знает. Вот и выплывшие с ними вместе, где ты что потерял, а где нашел... Знать, что это ценно! На занятия хочется идти. Видя чего-то гадать, мы иногда мимо того, что нам на блюдечке принесли, проходим без задержки совести. Если на афише лекция или беседа написано «ходок свободен», nonetheless тут же решают занять не пойдут. А в школу могут все. Два года назад в Ленинград приехал в Ленинградский ПТУ №1 Володя Усачев. Сначала у него дело подвигались хорошо, а потом что-то стал пропускать занятия — и сразу не заглядели на работе. Бесспорно, Мамедовичу пришлось участвовать и сотрудник отдела надзора — бесположно. И тогда Володей занялся сам слушателем хорошо, и нему домой, познакомились с его друзьями. Сейчас с помощью товарища Володея все свои дела наладили. В декабре уже исполнилось 18 лет. Мы преподнесли имениннику подарков и выступили с хостатажом благодарности. Нам пришлось упомянуть имя звания «Ударник коммунистического труда».

Вот смысл школы — она учить должна не только существо дела, но и

водами эмальчатую обработку античных ионел. Мы решили присесть о себе и делу. Изучили технику документацию. Надо учить мастера и юнгов, если мы что-то нехотим, говорим, нам не сита. Дешевле не трогать. Но эти люди «считают да пить...». А после вальше, понимаем, что из него многого извлечь. Несложные проблемы — и на этот случай есть возможный путь действий. Разные на нем не обрабатывались. И чистота обработки, как до тринадцатого класса не делавого. Машина получила повреждению.

Исторь набрал пригнорно материалы, папки, и они серебряный дождем пошла в ящик.

Теперь хотим сделать обзор, но для зачитан задуло. Вот делают вручную. И времени у нас много. Заметим, что вручную рубоуиер засылывал ведра плавления, а затем и откручивали щелчком там — и чистенькие, трянуты и «могловы» работе. Нам же надо было что-то придумать, индубь зинтор для цеха сделать себе.

Эту заинтересованность, сию

Галина РЕЖАБЕК,
Александр ФУНИН

Подумайте и предложите, за счет чего можно улучшить использование оборудования на вашем рабочем месте...

Продавайте и рассказите о своем личном плане повышения культурно-технического уровня и производственной квалификации...

(Из записки слушателя школ коммунистического труда.)

анимально относиться к человеку, что создает новый настрой в работе, обстановку доброжелательства и интереса друг к другу. Колосову стало интересно работать, вокруг него собрались мальчишки, только-только приглядывающиеся к делу работе. Создалась не зафиксированная пока ни где комплексная творческая бригада. Поддерживать творческую работу надо взгляды зловеще своей родной, знакомой вроде до мелочей цех. Им интересно, интересно увидеть что, что до них не увидели. Хочется заглянуть туда, куда, может, и не просили заглядывать. Не беда, что опыта у рабочих подчас меньше, чем любознательности и желания помогать. Гладишь, идут с вопросами к начальнику участка, к инженеру-технологу. А дальше... Дальше «бригады» Колосова углублялись безосный станок. Назывался он плоско-притирочный, но на пять лет, что стоял без дела, много успели забыть его название.

Вот что о нем рассказывал Игорь: «Слова машина, магик, говоря, для мебели. Изредка на станке про-

Игорь, будучи в работан занятия в школе, коммунистического и делу. «Там творцы, постановка проблемы, в цехе — поиск разрешения. Это вопросы экономики, политики, культуры, — четким тонкорочным жестом Игорь своею формулу ШКП и добавляет:

«Пришел недавно на занятия рабочий Иосиф Павлович Монахов. Позывает присесть. Вместе с шифробригадой выписывает задание, они придумали штину для сверления листовых насосов. Производственный труд — выписываем. После того занятия прошло совсем немного времени, а приспособление уже используют все. Приятно это человеку? Конечно, да, но здесь нравственное удовлетворение и материальное. Человек сделал полезное и себе и людям. И стал это больше уважать.

Школа — это заблуден — воспитывает в рабочих новые отношения к делу. Для этих людей невозможно видеть стянущую на дороге кучу асфальта, неудобную флагу, стоящую без дела станок, заусиכים на деталях, которые приходится шкурить вручную. Реакция на подобные вещи

НАУКА: ИСТОРИЯ

Еремей ПАРНОВ

«**М**ероиды на базальтовой стене Абу-Самбела говорят: «Когда человек узнает, что движет звездами, Сфинкс засмеется, и жизнь на Земле изменится». Мы не знаем еще, что движет звездами. Может быть, никогда не узнаем. Может быть, узнаем завтра. Важнее столько смысла извлечь, сколько удивительная научная поэзия. Нам, может быть, удивительная оптимистичная наука! Намшему веру недостаточно такою целостное восприятие мира. Человеческая культура давно уже разделялась на культуру естественную и культуру гуманитарную. Пропать между ними разрыв день ото дня. У каждого не только свой собственный язык или специфика эволюция, но и свои эстетические каноны. Неудержимо растущее и непостижимо ветвящееся древо науки вырастало наконец собственные эстетические плоды, странные и ни на что не похожие. «Красное уравнение», «квантовый выход», «квантовый эксперимент...» Слова, слова, слова! Здесь иное искусство, иная красота. Просто люди естественная еще по привычке употребляют эстетические термины гуманитариями».

Революционные идеи естественности с их радикальной ломкой привычных представлений о времени и пространстве, строения вещества и сущности жизни не могли не затронуть сознания даже абсолютно далеких от науки людей. Наука вторгается во внутренний мир не только прямо, связывая, допуская, силу эмоций с величайшей информацией, но и опосредованно. В том числе и через искусство. Наука и искусство — неотъемлемые составляющие культуры. Пути, как принято говорить, — но из этого отсюда не самоочевидно — разлечены. Нередко на заре цивилизации эти реки были слиты в единый поток. Когда же они разделились? И почему мы во второй половине двадцатого века вдруг вновь начинаем искать объединяющие их черты?

Так уж устроены люди, что в познании да и вих смысла и неаль и неаль. Другое дело, что познание всегда вознаграждает любые усилия. Это свойство мира, непеременимый материальный компонент которого является информация. Наука же в конечном счете — наиболее эффективный способ добычи новой информации.

В 1869 году в Париже вышла в свет любопытная книга «Средства связи с планетами», автором которой был изобретатель Шарль Кро. Насколько мне известно, это был первый научный труд по весьма современной проблеме контакта с внеземными цивилизациями. Наблюдениями иногда на Венере и на Марсе сдвигались точки Кро пришла за попытку жителей этих соседних с Землей миров установить с нами связь и предложил послать ответные сигналы с помощью огромного зеркала. Причем зеркало это мыслится изготовить с такой точностью краевой, чтобы фокус его приходился как раз на поверхность одной из планет.

Что же, идеи Кро, как и все почти научные идеи, были идеями своего времени, своего века. В равной мере смелыми и ограниченными, яркими и приземленными. Идея, что кое-кто из современников назвал книгу Кро «плохой фантастикой». И это тоже было давнее явление.

Величайшие астрономические открытия прошлого века дали жизнь неукротимому литературному творчеству, разлившемуся на наших глазах в повсюдную реку космической фантастики. Забытые ныне авторы, живущие обитатели других планет, словно соревновались между собой в изобретении существих планет и поразительных. Но примечательно, что во всей этой творческой и фантастической поддержке даже намек на возможность непосредственного контакта между землянином и озерным чудовищем с Марса или Луны. Да и с помощью чего можно было — пусть хотя бы в мечтах — преодолеть черную бездну пространства!

Но зря многие изреченных вещей близались, и крупнокалиберные инженеры уже работали над отливкой сверхмощных оружейных стволов. Дело, таким образом, было только за Жюльем Верном, за его величавыми и одиозными такой трагической идеей: «Из пушки на Луну». Впрочем, с кисти фантастики надо сказать, что именно эту идею тут же включили в свой арсенал ученые. И лишь теория реактивного движения великого ученого и научного фантаста К. Э. Циолковского позволяла конец неслыханным расчетам, в кото-

рых фигурировали такие термины, как «скал зарья» и «ядра ствола».

Но досужий фантаст, не безответственный писатель, а сам великий Гаусс предложил начертать на земле достаточно большую геометрическую фигуру, из которой любой разумный инопланетянин смог бы понять, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Один венский профессор тут же посоветовал вырезать где-нибудь в горах огромную треугольную глыбу, наполнить ее керосином и поджечь. В научных журналах вскоре обсуждались проблемы вроде «смогут ли венериане увидеть свет наших ночных городов?» или «сколко пороха нужно одновременно взорвать, чтобы вспышка могла заметить с Марса».

Мы знаем теперь, что обычный земной телескоп, установленный, скажем, на Луне, может уловить солнечные блики на достаточно степе задания ООН. Венериане потому могут любоваться огнями Тюко. Конечно, в принципе, потому что некому любоваться, некому наблюдать за нами.

Но остаются звезды. Бесчисленные созвездия жидк, несведомых миров. Самые лучшие мифологические названия астроном и государь Самарканда Улугбек «исчислила положение всех видимых звезд». Видимых! Значит, гениальный ученый предавал, что в бескрайней Вселенной есть миры, которые нельзя разглядеть на ночном небосклоне простым, невооруженным глазом!

Несколько столетий веют древние предания о городе Меркянда, но еще более древней является действительная история Самарканда. Этот город, который не раз был столицей забытых ныне государств, центром исчезающих цивилизаций, разрушен и граблен ордом кочевников, за последние три столетия трижды разрушен. Но он выдержал из руин и не пошел вопреки судьбе, наперекор все разрушающему течению времени.

На северо-восточной окраине его, где на изжелта-песчаной, иссеченной ветрами возвышенности еще остались сохранившиеся гроты крепостной стены, мы ощущаем дыхание тысячелетий. Это Афрасиаб — место Древних мотил и ирчулудных трапез, приток древнейшим археологам. Здесь, среди заросших колючкой доисторических магнол, стоит «Шахи-Зинда» — горница Самарканда, маленький, безмолвный город мажореса, самому Древнему из которых почти тысяча лет...

Но расцвет Самарканда приходится на эпоху «завоевателя мира» Тимура. «Железной» хромеем лучших мастеров, которые украсили город величественными дворцами, мечетями, тенистыми садами. Бесподобный завоеватель и разрушитель чужих городов сделал свой Самарканда подлинной жемчужиной Азии. С тех пор все царствование правителей старался затмить друг друга высотой возводимых сооружений, богатством и красотой их галлурованных орнаментов. Эти прекрасные хамаки, мечети и медресе разбросаны по всему городу. Вот и члалкой златой толпой глазу открываются разданы грандиозной мечети, которую построила любима жена Тимура, китайская принцесса Биб-Ханым; вот и сияние ребрый кунол знаменитого «Тур-Эмира» — исламского мавзолея, где в вафратом гробнице покоятся Тимур и в стурчачих подземельях стоят каменные саркофаги его потомков — неукротимых тимуридов.

В 1941 году специальная государственная комиссия, в которую входили виднейшие историки и археологи, предприняла вскрытие этой захороненной. В одном саркофаге были обнаружены останки того, кто, согласно преданию, был убит по приказу родного сына фанатичным извергом.

На скелете отчетливо сохранились следы практической смерти. Третье шейной позвонка было расколот острым оружием. Череп оказался смещенным и повернутым основанием вверх. Фаланги пальцев рук и частично запястья сдвинуты и перепутаны, равно как и все кости ступней.

В отличие от остальных захороненных мавзолея скелет лежал в саркофаге совершенно одетым, хотя ткань одежд и утратил первоначальную цвет, местами совершенно истален и сильно пожелтел. Согласно мусульманскому обычаю, покойника опускают в гроб в одном лишь одеяле. Только «шахидов» — мучеников — заковывают

Рисунок Михаила ПАПКОВА

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

«В самых империалистических государствах, эксплуатирующих и подавляющих другие народы, широкие массы населения, в том числе и молодежи, все больше страдают от усиливающегося господства капиталистических монополий и усиления эксплуатации, от милитаризации экономики и всей общественной жизни, подавления демократических, профсоюзных, университетских свобод, триады и жестоких репрессий против прогрессивных движений».

Из программного заявления ВФДМ, принятого Восьмой юбилейной ассамблеей Федерации в ноябре 1970 года

К

арательные операции. Разные и убитые. Ингерирование. Концлагерь. Танки. Оккупация. пытки. Политика «железного кулака». Зловещий лексикон, берущий душу миллионам людям. И как рефрен — террор, террор, террор...

Это не из воспоминаний детства. Не из школьного учебника. Не из романа о Великой Отечественной.

Сорок первый! Нет. И не сорок второй. Лето сорокдесет второго. И как приметя времени [как издавна над временем!] — резиновые и пластиковые пули, водные пушки.

Телетайп равнодушен.

«Жители пригорода Белфаста и надуны продолжают помчаться в городок, спасаясь от террора и глосийских войск, которые прерывают его в свою военную базу».

«Португальская колониальная армия в Мозамбике приобретает все новые убийства и пытки мирного населения в тщетных попытках справиться с борьбой народа этой страны за свое освобождение».

«Тель-Авив продолжает проработку политик террора по отношению к арабскому населению».

«В Сальвадоре проводится очередная репрессия против демократических сил страны. Более 30 профсоюзных и студенческих лидеров арестованы сальвадорской полицией».

ТЕРРОР

СТУДЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УНИВЕРСИТЕТА САНТО-ДОМИНГО — СТОЛИЦА ДОМИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ПОТРЕБОВАЛИ ПРЕКРАТИТЬ ВОЕННУЮ ОККУПАЦИЮ УНИВЕРСИТЕТА. ПОЛИЦИЯ ПУСТЫЛА В ХОД ОРУЖИЕ, И ВОТ ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА...

ского основания. Университет Сальвадора занят войсками. Интуитивные новыи подвиги Ириби против режима Форстера, англоамериканские власти обрушили на противников апартхеда волну репрессий.

Юрид. Жукос цитирует корреспондента «Нью-Йорк таймс» А. Льюиса, который побывал в ДРВ: «История не запомнит. Со временем наши дни сплывут так же, как сплывали немецкие дети: «Зачем понадобилась такой террор! Что Америка надеялась выиграть! И где же вы были!»

Тлетная рванулошечка. Но не рванулошечка память человечества. Встревожена его совесть. Гнев и возмущение вызывают террором,

которому подвергаются мирные вьетнамцы, жители католических кварталов Ольстера, арабы, изгоняемые с оккупированных Израилем территорий, узники, томимые в застенках Гватемалы.

Это семьдесят второго... Но есть еще на карте места, где террор по-прежнему остается едва ли не решающим («возмездие» в «единусе») с инновационными, в борьбе с демократическими силами. И потому политические размышления о новых (и, конечно же, безопасных!) видах оружия. Потому, как пишет газета «Ирландия» старю, что мера обострения классово борьбы тории... планируют применение войск против рабочих».

Ольстер не сходит с газетных

страниц. В заявлении Исполкома Коммунистической партии Ирландии подчеркивается, что правительство консерваторов вновь показало, что основную ставку в Ольстере оно по-прежнему делает на политику железного кулака. А единственным путем решения североирландской проблемы — это предоставление политическим и социальным прав католикам, немедленный вывод английских войск из оккупированных районов и предоставление ирландскому народу права самому решать свою судьбу. В основе такого решения должны стоять вопросы об объединении двух Ирландий.

В номере газеты «Канадиен трибюн» от 23 августа опубликован почтовая открытка, адресованная

премьер-министру Англии Хитчу. Слева направо и снизу вверх идет надпись «Гражданские права — Северной Ирландии». У стены лицом и к стене стоят люди с поднятыми руками, рядом солдаты с оружием. Открытка вышита Всемирной федерацией демократической молодежи.

В напильник «Юности обличает имперализм» — нужно вооружение и о терроре, взятном на вооружение наиболее реакционными кругами империалистических стран. И потому в Программном заявлении ВРДМ содержится призыв и молодежи бороться против авторитарной власти государственного аппарата, против наступления на демократические свободы и усиления полицейских репрессий».

СНОВА — ОБЫСКИ. СНОВА — АРЕСТЫ.

НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ

В один из июльских дней, когда Европа эдакская, с голыми укутанными в душе, неслабыло знойное лето, над дельтой Гватемалы бушевал мивень. Холодные потоки воды падали с неба сплошной стеной, доходя ветви на деревьях, вымывая корни, проливая тристиновые крыши убогих крестьянских жилищ.

Машины жались к обочинам дорог, оттордавшись от ревуции непогоды

водотычи, стеклами. В тех, что по дороге, вкрадливо, дулась стереофоническая музыка из импортных магнитофонов; в тех, что подвешены, трещала местная дилетов, выламывая кузу новостей иерефемуску с рекламной и короткими музыкальными вставками. Водителям Арсэмил...

И никто не заметил, как откуда-то повывалось веренище страшных, обесцвеченных дождем, бесшумных автомашин, длинных и широконосых, которые, испарывая непрерывно струящуюся серую мгу мощными орижесными форсами, медленно промывали

мимо застывших на обочине автомашин и ушли дальше, по направлению к столице страны — городу Гватемале.

Неразличимым за плотной завесой дождя, унося тула и маленькие человечек с баясным лицом утопченика, скорчившийся на заднем сиденье салото из автомашин. Его била крупная дрожь — не то от холода, не то от страха, который не отбускал его уже много лет, стояло ему только остаться одному... Он, не отрываясь, толкал вперед тула, там раскачивалась на ветреном стекле

ГВАТЕМАЛА: КЕТСАЛЬ ИЛИ СОПИЛОТЕ?

Владислав ХОРДИН

Она парила над головами жестокого ирландского вождя Текум-Уинча, и только после того, как великим испанским конкистадором удалось убить ее, она смогла одержать победу — так гласит легенда. Кетсаль — символ свободы. Эта птица не может жить в неволе... Сейчас ее почти не встретить в Гватемале, разве только кое-где зрится высушенное туловище этой красной птицы, да еще, говорят, в горах-то из зоопарков Нью-Йорка погибает едва ли не последний представитель живых кетселей. Эта птица не переносит неволи... Так говорит Агвельда молодой майя.

Пожалуй, символом современной Гватемалы с большим основанием мог бы стать завошеяй корнуэ-стервят-

ник, сойка, как называют его здесь. Это он кричит над горами и равнинами, выстраивая очередную жертву, прислушавшись к выстрелам, гремевшим и тут и там на всем просторе джунглей Гватемалы...

А между тем официальная пресса каждый день высокопарно извещает, что некогда еще Гватемала не жила еще так хорошо, так спокойно, как сейчас... (Это напоминает случай с бывшим военным диктатором Гватемалы, кровавым демагогом Эстрадой Кабрера. Тот во время извержения вулкана, разрушившего крупный город Кетсальтенанго, послал туда специальных галаитов, которые должны были читать его разъяснение жителям этого города о том, что с ними ниче-

го-й-богу, абсолютно ничего не происходит, что была, конечно, какие-то подземные толчки, но где-то далеко, в Мексике или Гондурасе, Галаиты читали это президентское «разъяснение» под трагикомическим диктатором при свете свечек, потому что от вулканического пепла и дыма пожарница в городе парила сумерки. Это не скверная анекдот, это гватемальский факт в действии.)

И сегодня пытаются всякие сорви-сомосы, стрессеры и им подобные закрыть глаза правды ладонью, оставив лишь часть истории, а поскольку это им не удается, они убивают. Кровавый террор — вот их единственный аргумент в споре с оппозицией.

Но поможет ли он?

Я подожку к большой карте американского континента. Издала Южная и Северная Америки похожи на песочные часы, неизменно отсчитывающие время. Или на два языка пламени, взметнувшись от обоих полюсов... И где-то там, почти в самом центре, на срезении обоих Америк затерялась Гватемала. Она занимает всего несколько сантиметров в длину и ширину, эта маленькая центрально-американская страна. Но каждый кусочек ее на карте — это километры страданий, крови и надежд, это сотни и тысячи людей, ведущих героическую борьбу за свободу и национальную независимость своей страны...

"ШПИГЕЛЬ" "ОСКАЛЕННЫЕ ЗУБЫ"

Борьба в Северной Ирландии приобрела новые масштабы. Главная причина тому — быстрый, пугающий своими масштабами не только количеством милитаристской протестантской организации «Ассоциация обороны Ольстера» (АОО).

Члены этой организации одеты в военные куртки и прикрывают лицо масками, днем они вооружены дубинками длиной в футы, а ночью — короткими огнестрельным оружием. АОО любит массовые выступления. Ее марширующие колонны являются главной деталью уличного пейзажа в протестантских сельских районах и городских кварталах и делают вполне реальную угрозу протестантского похода во имя мщения.

Парады, воинскими командами и молодежью выпаренный они патроны, продемонстрировавшие наличие той дисциплины в своих рядах, от которой по ночам, когда они контролируют вездесущие населенные пункты и издеваются над прохожими и водителями автомашин, не остается никакого следа.

Заместитель командующего АОО в Лондондори, старательно укутанный в лихю сдвинуто на нем кинуклиановскую маску мужчины с ко-

ОДИН ИЗ УЧАСТКОВ КОНЦЛАГЕРЯ В ОЛЬСТЕРЕ.

АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ ПРОТИВ БОРЦОВ ЗА ТРАДЦИОННЫЕ ПРАВА.

ПОЛУВОЕННАЯ ФОРМА, ТЕМНЫЕ ОЧКИ, ПЛАТКИ ЗАКРЫВАЮЩИЕ ЧАСТЬ ЛИЦА — НА СНИМКЕ ОТРЯД ПРОТЕСТАНТСКИХ ЭКСТРЕМИСТОВ, СЕЛЮЩИХ СМЕРТЬ И НЕСЧАСТЬЕ В ОЛЬСТЕРЕ.

ройной майоры на полевой форме британской армии, откровенно признался корреспонденту «Шпигеля»: «Еще совсем недавно многие наши парни были уголовниками и уличными мальчишками. Мы приложили им дисциплину, поставили перед ними задачу».

У католиков нет им никакого сомнения в том, какую именно задачу имеет в виду этот майор: сохранение британско-протестантских привилегий в Северной Ирландии.

ИРА (Ирландская республиканская армия) считает себя освободительной армией с явной военной задачей — вышвырнуть англичан из страны. Вожди АОО вызывают к праву и порядку, однако не верят, чтобы законные власти были способны справиться со своей задачей, и потому вынуждены на фашистский манер «завести закон в свои собственные руки» [именно так выразился вышеупомянутый майор в маске].

В протестантской солидарности ИРА, которые от разового дербиловца до своего командующего Шона Ман-Стеффина известны имя и горды тем, что борются под своими собственными знаменами, каждый член АОО смертельно боится, как бы не раскрылось его имя. Двойные интересы, которые разрушает, не должны потерять никакого ущерба, в более высоких кругах — бовэнз общественного мнения и, наконец, просто страж возмездия со стороны ИРА держат АОО в подопле, заставляя его выступать не столько в качестве армии, сколько в виде тайной террористической организации.

Католики со всей Северной Ирландии правильно поняли брошенный им вызов: еще никогда за все три года, прошедшие с начала волнений, приток в ряды ИРА не был столь силён...

Перевод с соавторством Д. АЛЕКСАНДРОВА.

ПЕТР ИЛИ ИЛИ

Джон БЛАКБЭРН

ПОВЕСТЬ

9

Вокзал Кинг кросс перед наступлением вечерних часов елика, светящиеся в темноте фонари, глухой крытый перрон; паровоз, выпускающий пары у платформы; тонкие клочки тумана, смешивающиеся с дымом, паром и запахом дизельного топлива и масла. Пока еще на вокзале спокойно, но под этим спокойствием уже ощущается напряжение. Скоро со станции подземки сюда хлынут толпы, знаменующие окончание еще одного дня.

— Ваш поезд отправляется в четыре пятьдесят пять с третьей платформы.

— Благодарю вас.

Биль взял у кассира билет и сдану и взглянул на часы. До отхода поезда в Фелклиф оставалось двадцать минут. Биль зашел в буфет, заказал чашку кофе и сел за столики в дальнем углу, подальше от других посетителей. Рука, в которой он держал чашку, тряслась, а с заспленного мухаммидом зеркале на него смотрел он сам. Да, красивым его теперь уже не назовешь — угловат губ опухли, кожа под подбородком провисла, под глазами темные мешки.

Мог ли он сделать это? Существовала ли даже самая отдаленная вероятность, чтобы он мог убить Мэри? — мысленно спрашивал Биль у зеркала, и ему показало, что он в зеркале утвердительно кивал в ответ: да, мог. Его память еще не восстановила всех событий того дня, но он представил себе, что произошло. Дикое озлобление после прочтения письма Дивамбо, вынуждавшее его изменить конец книги, телефонный звонок в Фелклиф, тамошние безлюдные улицы, сырой ветер с моря и встреча с Мэри почти в полночь. Ну, а что дальше? Новая вспышка ярости, когда Мэри присяглась во всем, шум приближающегося грузовика, его рука на плече Мэри и... Он оттолкнул от себя чашку и устался в стол, лишь бы только не видеть свое отражение в зеркале...

«Мой мальчик, я же не сказал, что вы убили ее, — вспомнил он голос Поуды — Я говорю только, что вы могли сделать это. Теперь нам известно, что у вас был повод и возможность, но никто, включая вас самих, не знает, что вы делали и где находились в тот вечер. И если предположить, что ваша жена была убита (а в это более и более начинаю верить, что дело обстоит именно так), кто еще желал ее смерти?»

Поуд помолчал в ожидании ответа, который так и не последовал.

«Есть еще один подозреваемый, — продолжал он. — Аллан Уэйн по двум причинам мог убить ее с дороги. Во-первых, ваша Мэри могла возражать против увольнения и пригрозила устроить скандал. Во-вторых, узнав, что бумаги Виллеба исчезли, она вполне могла спланировать день и место по меньшей мере означало бы, что обстановка для Уэйна становилась весьма неудобной. Да, у

Продолжение. Начало в №№ 17, 18 и 20.

— Конечно. Почти два года, дежурим администратором. Эта гостиница принадлежит той же самой фирме, и, когда «Юри-Клифф» закрылся, мне предложили перейти сюда.

— Настенные часы начали отбивать одиннадцать, и я вдруг почувствовала, что все в окружающем мире мертво и лишь они двое еще живы.

— Пожалуйста, Кэй, расскажите о моей жене. Вы дежурили в тот вечер? Почему она передумала и решила выехать ночным поездом?

— А тут и рассказывать нечего. Все, что мне было известно, я рассказала в полицию.—Быль снова заметила, что Кэй что-то пытается скрыть.—Ваша жена проживала в «Юри-Клифф» уже несколько лет. Вы знали ее как работницу секретарем у мистера Уэйна, который проживал в гостинице «Юриэлл», совсем близко отсюда. Там проживали многие супружеские пары. «Стара», пока не было закончено строительство, так и осталась в том же здании. Ваш дом сейчас находится на месте и часто удаляла на короткое время в Лондон. За день до смерти она, по-моему, вернулась из Лондона.

— Да, да, да, но мне известно, но я хочу знать, как она провела тот вечер.—Вы можете тогда вспомнить, что она делала?

— Точно не знаю. По-моему, все было как обычно. Накануне она ездила в Лондон и вернулась утром. Ужасно устала, но решила отдохнуть, так что возле развалин аббатства, а потом вместе с мистером Уэйном обедула здесь.

— Обедула с Уэйном? И потом решила выехать в Лондон ночным поездом, а не дневным, как она обычно?

— Не знаю.—Кэй покачала головой.—Дайте-ка мне вспомнить.—Нет, она решила это позднее. Мистер Уэйн ушел примерно в половине третьего, а ваша жена поднялась к себе в номер, чтобы собраться. Наверное она заказала такси к поезду, отходящему в пять часов, и сказала, что будет ждать такси в вестибюле. Да, я припомню, что видела ее там. Она сидела на диване, разглядывала какой-то журнал. Тогда я подумала, быть может, она собирается ехать. Я знаю об этом потому, что сама позвала ее к телефону.

— Вы!—Пальцы Биль сжали бокал с виски.—Кэй, вы не могли быть, вы запомнили голос того, кто звонил? Это не мог быть мой голос?

— Ваш! Но в таком случае, Биль, я ничего не понимаю! Если звонили вы, почему же...
— Почему же я спрашиваю об этом? В том-то и дело, что в час, когда тот человек позвонил, он до сих пор не могу вспомнить, что я делала.—Да бедный вы мой!—Кэй коснулась его руки.

— Скажите мне про голос, Кэй!—Прикосновение ее пальца было ритмично, но он хотел только одного—выяснить все, что она знала.—Я имею в виду голос человека, который звонил в квартиру. Был ли это мой голос?
— Это мог быть чей угодно голос, чей угодно, понимаете?—Кэй убрала руку и покачала головой.—И вместе с тем мне почему-то показалось, что тот человек говорил с каким-то иностранным акцентом, возможно, американским. Может быть, даже это был женский голос, и заведомо принадлежал этому человеку, но после гибели вашей жены я несколько раз спрашивала себя, не изменил ли тот, кто звонил, свой голос умышленно? Мне даже подумалось, что он говорил через нос.

— Изменил голос? Вы уверены в этом?—В таком случае вопрос о том, что звонил он, исключался. Ему незачем было менять голос, он позвал бы Мэри к телефону и, несомненно, бужунал бы, разговаривая с ней, что, если бы она была дома, по Уэйну! Его звали в гостиницу, поэтому ему имело смысл изменить голос.—Вы вполне уверены в этом, Кэй?

— Не знаю, не могу сказать.—Мысль об этом пришла мне в голову только после несчастья с вашей женой.

— Ну, а потом? После того, как Мэри поговорила по телефону? Как она вела себя? Нервничала, была расстроена?

— Расстроена? Что вы! Совсем нет. Она сказала, что поедет ночным поездом, и попросила меня অনুদ্রовить ей визовый билет, и заведомо привела его. Кэй. Пожалуй, в ней можно было заметить некоторое волнение, она была чуждо взволнована и одновременно счастлива. Слово услышала, что на ее лотерейный билет выпал крупный выигрыш.

— Счастлива и взволнована.—Все начинало становиться на свои места.—И вы разговаривали с ней перед тем, как она ушла на вокзал?

— Да. Я рассказала в полицию. Примерно без четверти одиннадцать я спросила, не знаете ли

ей другое такси, но она ответила, что предпочитает пройтись. И еще добавила, что с таким настроением, как сейчас, она может пройти пешком миль сто.

— Что еще, Кэй, скажите!—Биль взял ее за руку и в течение минуты смотрел на нее.—Вы не все рассказали в полицию.—Скажите же мне, Кэй! Я должен все знать.

— Но это мелочь, не имеющая никакого значения. Она вышла из вашей руки, Биль, и не пуская ее.—Перед тем, как ее ушли, мы выпили.—Она предложила toast.—

— Toast? По какому поводу?

— Да так... За ее будущее. Она сказала, что вы будете счастливы, ее ждет хорошее будущее и ей никогда больше не придется ни о чем беспокоиться.

— Почему вы не сказали об этом в полиции?

— Да потому, потому, что я подумала о вас, Биль. Вашей жене уже не было в живых, и я не видела смысла в том, чтобы... Биль, вы делаете мне больно!

— В чем вы не видели смысла, Кэй! Как вы думаете, почему она предложила такой toast?—Я подумала.—Мне показалось.—Выражение лица Кэй стало каким-то расслабленным, вялым.—Я подумала.—Нет, не подумала, а была вполне уверена, что ваша жена отправлялась на любовное свидание.—

Полное. Холодный, сырой ветер дует с моря, и где-то далеко кто-то слышит. Стоя на балконе, Биль смотрел на городские огни. Он решил, что так будет лучше. В своей жизни он не вернул прожитый парод, а от подножия горы временами доносился грохот грузовиков.

— Стара ты, Мэри,—прошептал он под шум ветра. Гуделица алчная, маленькая и стертая. Да, ничем так обстояло дело. Рассказ Кэй Соммер подтверждал часть дмыслов Поуды, однако это было еще не все. Мэри вместе с Джембо Уэйном участвовала в этой отвратительной комбинации, и инцидатором, вероятно, была Мэри. Она всегда была неравнодушной к деньгам, и, очевидно, именно она сообразила, насколько важно открытие Вилбеля и что конкурент Стара хорошо заплатит за него.

— Да, да, да, было просто. Она рассказала Джембо о бумагах, а он связался с конкурирующей фирмой и договорился о сумме, которая должна была обеспечить его и Мэри на всю жизнь.

Глулая Мэри! Далеко от подножия горы Биль видел уличный перекресток, где она умерла, и ему показалось, что теперь он может точно восстановить все, что произошло. Мэри хотела уехать в Лондон дневным поездом, снять кофлик с бумагой Вилбеля и передать их конкурирующей фирме. Никто и ни в чем не мог бы заподозрить ее, ибо обе фирмы могли одновременно и отдельно друг от друга сделать одно и то же открытие. Наверное, она считала себя очень ловкой и предприимчивой особой, но у Джембо Уэйна имелась на сей счет некоторые другие соображения. Может быть, она уже надеела ему, может быть, он боялся, что в случае Мэри он выдст его, а может быть, просто хотел, чтобы все деньги достались только ему. Во всяком случае, он действовал по-своему—договорился с конкурентом Стара, что тот организует жилищные условия в квартире Ирвинга. Мэри даже позволила Мэри и бедила ее поехать в Лондон вместе ночным поездом. Несильный толчок на дороге под мчащийся грузовик Кеплина, и Джембо Уэйн мог ни о чем больше не беспокоиться.

Да, Аллан Уэйн, несомненно, был убийцей Мэри, и завтра утром Биль выколотит из него правду.

Едва переступил порог кабинета Аллана Уэйна, Биль обратил внимание, что Джембо сильно изменился. За несколько недель—то, о чем он не зачислял, он постарел и похудел. Его лицо, обычно жирноезданное и румяное, было бледным и измученным, а костюм висел на нем, словно кокон на мертвой гусенице.

— Вы так измучились он, тяжело, как дряхлый старик, поднимаясь из-за письменного стола.—Очень мило с вашей стороны новость меня.—Его рукопожатие было вялым и сухим.—Извините за столь скромную обстановку, старина. Боюсь, что вы не очень поодри Ирвинга в Лондоне.—На бледном лице появились нечто вроде улыбки.

Биль обвел взглядом маленькую, плохо обставленную комнату. В лондонском кабинете Уэйна

на полу лежал персидский ковер, над каминным ахилеи две картины модного художника, в клавесине был устроен бар, а письменный стол с множеством кнопок и переключателей напоминал контрольную панель для запуска космического корабля. В углу кабинет был слабо освещен—с металлической сейфа на голем деревянном полу, стол, два венских стула и столик с различными планами и бумагами на нем.

— Спасибо, благодарю Биль, опускался на стул, пододвинувший ему Уэйном. Да, возможно, что этот человек убил его жену, и Биль намеревался добиться от него правды, но пока что ему нужно было держаться очень осторожно.—Я уже сказал вам, что кабинет был слабо освещен, поэтому близости и решил навестить вас. Спасибо, что вы нашли время для меня. Помню, как вы заняты.—Биль взглянул в окно и ярд в двухэтажных ундент то, что еще осталось от развалин аббатства. Конечно, пока еще не было видно, но от нее к стоявшим неподалеку бульдозерам уже тянулись канаты.

— Да, да, работы по горло, но я рад видеть вас, Биль.—Уэйн замолчал, так как бульдозеры загрохотали, треска алану.—Судя по тому, как сейчас и рухнула, вздымая облака пыли, подвешенная высоко в небо, Биль вспомнил брошюру, прочитанную в поезде. «Аббатство частично разрушено Генриком VIII и Кромвелем; подверглось артиллерийскому обстрелу в ходе войны. Мы начали первую мировую войну. Теперь «Стар конструкция» разделялась с ним окончательно. Голос Уэйна прервал его размышления.—И, кроме того, Биль, не забудьте, что вы говорили с ней, но не писал вам письмо (надеюсь, вы его получили), но мне хотелось сказать вам лично, как я грущу о смерти Мэри. Она ведь была не просто секретарем, а большим моим другом.

— Да, я знаю Аллана,—зубовидя за Уэйном, Биль подумал, что хотя тот несколько потерял в весе, но ничего не утратил из своих актерских талантов. Лицо его выражало печаль, и, возможно, так оно и было действительно. Но исключено, что Джембо по-прежнему привязан к Мэри.—Но я зашел к вам не только для того, чтобы просто поболтать,—продолжил Биль.—Вам, наверное, известно, что я подвергся нападению у себя дома и частично потерял память?

— Да, да, да, было это и очень сочувствую вам.—Сigaretты—Уэйн подинула Биль чашку и начал рыться в кармане, но заглянул не вынул, словно ожидая, что это сделает Биль.—Боже, сколько вам пришлось пережить! Нападение, затем потеря памяти, известие о Мэри.—Достаточно, чтобы свести с ума любого.

— Да, мне было тяжело, но теперь все уже позади.—Биль поклонился, чтобы прикурить, так как Уэйн достал наконец записку, и сразу же позвал, почему тот не слышит с этим—рука у него тряслась, как у нервного больного.—Я зашел к вам потому, Аллан, что хочу знать больше о смерти Мэри. Вы ведь были тогда в Фелкфиле, не так ли?

— Да, но ярад ли я могу рассказать что-нибудь, кроме того, что уже сказал следователю.—Его лицо по-прежнему выражало сожалование.—Как вам известно, Мэри была в Лондоне, и я поехал туда, чтобы убедиться, что для работы над пересмотром планов сына. Помните ли, у нас возникла необходимость переждерметировать холодохланиа и даже заморозков. Вот нам и пришлось ускорить сроки, чтобы закончить укладку первой очереди бетона до конца месяца.

— Все это мне известно, Аллан. Я читал ваши публикации. Мэри вернулась сюда и ночевала в гостинице. Утром вы вернулись с ней в пересмотром графике работ.—Потом вместе с ней она собралась выехать по делам в Лондон. Правильно?

— Правильно, и я говорил об этом на следствии.—Слабодорок Уэйн нервно заедергался.—Но почему, почему вы снова спрашиваете меня об этом?

— Потому что я хочу знать ответ, Аллан, ответ, который бы полностью соответствовал действительности.—Уэйн встал, чтобы выйти, но он слышались кукаки, и он с трудом подавил в себе желание вскочить, схватить Уэйна за горло и завести его сказать правду.—После обеда, а два тридцать, вы ушли. Почему, Аллан, почему Мэри не поехала с вами? Почему вы не были в Лондоне, если вскоре после четырех часов и велели выехать ночным?

Продолжение следует

Перевел с английского Анатолий ГОРСКИЙ и Юрий СМЯКОВ.

ВЗНОС

осле дождя воздух свеж и прозрачен. С высокого холма отчетливо видны végонции пропадающего идеала поезда. Вливаясь в голый паровозного дыма устилают горизонт. Туда, к горизонту, торопливо убегают огороды, расчерченные параллельными штрихами градоу. Насыщенная вейкой лилово-желтая, свежая зелень деревьев и трава, белая блестящая дорога, белые домины с красными крышами. И над всем этим — блеклое небо.

Приодет совсем немного времени, и где-то рядом, в полке Эверы, прозвучит революционный выстрел. А два дня спустя — 29 июля 1890 года — оборвется жизнь одного из величайших живописцев Голландии.

Эта жизнь была коротка и трагична. Винцент Ван-Гог родился 30 марта 1859 года в семье пастора. Шестнадцати лет пошел работать. Сначала в художественной фирме Гуппи торговал картинками и эстампами. Потом стал преподавателем языка. Потом — проповедником.

Повсюду встречал он эгоизм, несправедливость, ложь, презрение и людям труда. Пораженный человеческими условиями существования бельгийских шахтеров, он пытался помочь им, вступает в конфликт с властями и теряет работу.

В бедности, под жестокими ударами судьбы выковывается убежденность в своем призвании стать живописцем, рождается ван-гоговское видение мира. «В суровых испытанных нищета учиться смотреть на мир совсем иными глазами», — пишет он своему брату Тео.

Когда Винцент решил стать художником, до рокового выстрела оставалось только десять лет. За эти десять лет Ван-Гог создал более полутора тысяч картин и рисунков. Лишь одно из этих произведений нашло покупателя, и, если бы оно не помогало Тео, Ван-Гог умер бы от голода. Общество, которое довелось Ван-Гогу до болезни и самоубийства, лишь после смерти согласилось признать его гениальным.

Чванливые добродорядочные буржуа не понимали и боялись бунтарского искусства Ван-Гога. Оно противоречило их торгашеским взглядам на окружающую действительность. В произведениях живописи они хотели видеть точное отражение идеализированной материальной красоты, которую можно купить за деньги, — будь то красота женщины, красота земельного участка или красота обеденного стола, уставленного едой.

Все это было глубоко чуждо Ван-Гогу. В своих письмах он говорит, что ему «ноточерто дурацкое фотографическое совершенство некоторых художников». Новаторское искусство Ван-Гога разрушало представления о неизбывности существующего порядка вещей, и его идея о близости революции, о необходимости гибели старого мира были закономерным следствием его мировоззрения.

Жизнь в трактовке Ван-Гога — могучий непрекращающийся поток постоянно изменяющихся вставных фигур.

Ван-Гог сознал, что все эмпирическое

подпадает времени, что не остается неизменным и тот сокровенный смысл, та истина, которую он искал и находил в каждом единичном явлении и спешил выразить на полотне. Но художник верил, что будущее общество, свободное и гармоничное, породит новое искусство, способное преодолеть это противоречие. «Пока же мы пребываем, как ты знаешь, в состоянии полного хаоса и анархии, мы можем написать какую-то частную точку хаоса: лошади, портрет, две бабушки, яблоки, пейзаж».

И Ван-Гог пишет пейзажи, цветы, посуду, портреты встречающихся на его пути людей. Но он не коллекционирует факты. Он изучает и обобщает их, стараясь найти кратчайший путь к человеческой душе. «Сложно необычайно захватит меня», — признается он в одном из писем. — «Две полуразрушенные хижины под старой камышовой крышей наполнили мне дух страши, дряхлых людей, которые постепенно превратились в одно существо и стоят, подперевая друг друга...»

Он изображает волнующиеся моря пшеницы с пенной колысая и разбросанным здесь и там темными янтарными кипарисом. Иногда эти кипарисы похожи на гигантские острые зеленого пламени, и тогда они повсюду от беспредельной смене форм, о вечной жизни природы. Иногда, запрокинутые в ночное небо, сомкнутые их верхушки напоминают форштевень корабля, нависший над пучиной космоса. Вся планета — корабль, плывущий свозом геологическими водостороты туманности, своза хордовиды звезд, свечаки, подобно маяков.

В множественности красок и форм Ван-Гог ищет внутреннюю гармонию, трудно осязаемое единство, присущее каждой вещи, пусть самой незначительной, будь то колючая сальваля или даже стотысячные башки. Ценность вещей дает не материал, а красота и сила проявления в них жизни, всезадействующая и неисчерпаемая разнообразия.

«Картина начинается там, где есть линии — упругие и волевые, даже если они утрированы», — утверждает Ван-Гог. Эти упругие и волевые, нередко утрированные линии — самый существенный и характерный признак ван-гоговского стиля. В них овеществляется и концентрируется энергия его творческого разума. Они указывают направление его мысли и степень ее напряженности. Нередко линии создают основу композиции, ее смысловой каркас.

Это станет понятно, если обратиться к «Июжаю в Эвере после дождя». Взгляд сидит по россыпам огородных дорожек, разбитых Ван-Гогом линиям выветрившего гоногья, как на трамплине, на спуске с-го холма, а затем все быстрее устремляется вдале и, почти достигнув горизонта, упирается в железнодорожный состав, решительно преграждая дальнейший путь. Линия горизонта, дорога, горизонтальные белые облака, прелпастуются дажною в глубь картины, лишь усиливают его напряженность. Сидит Ван-Гог линиям выветрившего гоногья многообразие форм, но и характер их прояв-

ления. Иначе растет высокая шелковистая трава лугов, иначе — жесткая, торчащая ежиком трава на пригорках возле жилища. В эверском пейзаже линия передает статику лоскутного обляченного покрова, медлительность унылого поворота дороги, упругость зеленых люков на деревьях. То кружащаяся, словно купол фантастического здания, то закрученная жгутом, то равная, неслышав, то сползающая и плывающая линия всецело зависит от формы, но живет и самостоятельной жизнью, рождая подчас замысловатый узор. Повлечение такого узора всегда обусловлено и органично, как появление цветка из бутона.

Ван-Гог жадно и пристально вглядывается в кипение окружающей жизни, в клотанье вечно меняющихся форм, фиксируя бурные вихри, каскады, всплески, фонтаны живой материи. Эта струящаяся материя переходит даже в его портреты, образуя волнующийся, сплошь заполняющий пространство фон.

Жизнь состоит из противоречий. Как невозможно представить себе существование тепла без холода, любви без ненависти, света без мрака, точно так же и нет синего без желтого и красного, и наоборот. В становлении дополнительных тонов Ван-Гог видит диалектическое столкновение противоположностей, порождающее новую жизнь.

Как правило, живописец берет за основу тот цвет, который наделяет предмет своей природой, но — в зависимости от художественной задачи — либо усиливает его до крика, либо заставляя звучать приглушенно, словно под сурдинку. В эверском пейзаже интенсивность холодных оттенков зеленого, синего, желтого и резко увлекена дополнительными тонами — пронзительно красным и оранжевым.

Ван-Гог постоянно исследует возможности эмоционального воздействия, и это необходимо использовать, потому что «точно соответствующая натуре окраска или рисунок никогда не вырвется в зрительное поле сильного волнения».

Ван-Гог постоянно исследует возможности колорита. Он пишет, что постоянно надеется «совершить в этой области открытие, например, выразить чувства двух влюбленных сочетанием двух дополнительных цветов, их смешением и противопоставлением, таинственной вибрации родственных тонов. Или выразить зародившуюся в мозгу мысль сиянием следующего тона на желтом фоне. Или выразить неладную мерцающую звездой, пылающим — блеском заходящего солнца. Это, конечно, не иллюзорный реализм, но разве это не реальное?»

Как в жизни циркулирует нас природа, в картинах Ван-Гога все подчинено закону причинности и связано связано между собой. В эверском пейзаже деревья, дома и огороды составляют неразрывное единство, а фигура земледельца, склоненного над грядкой, смотрится столь же неотъемлемой частью ландшафта, что и цветы на первом плане. В «Юлиях» корневые стволы деревьев сплелись с почвой, в которую с напряжением уходят их корни, а ветви и листья их кустятся

ВИНЦЕНТ ВАН-ГОГ. «ПЕЙЗАЖ В ОВЕРЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ». Масло. 1890 год.
 Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

в струях горячего голубого воздуха и танцует к небу, наполненному южным солнцем. О жвительных и палящих лучах солнца напоминают пламенеющие «Подсолнухи» в пузатом кувшине, выпуклый, лоснящийся бок которого отражает солнечный свет и четко выделяется на фоне светлой стены и золотисто-желтого стола; фон этот лишь намечен и не имитирует глубину пространства, но цвета его несут важную смысловую нагрузку и служат условием существования этой формы. Бескрайнее, уходящее за горизонт поле связано с выросшим на нем одиноким деревом и одинокой фигурой севтеля, без которых оно показалось бы мертвой пустыней. И это не случайно. «Севтель» — не только олицетворение крестьянского труда, но и символ зарождения жизни в природе.

В трактовке Ван-Гога традиционный для него образ труженика-земледела неизменно становится темой для философских обобщений.

«Я задумал,— читаем в одном из писем.— «Жнецца», неясную, дьявольски надрывающуюся под раскаленным солнцем над нескончаемой работой фигуру, как воплощение смерти в том смысле, что человечество — это хлеб, который предстоит сжать. Следовательно, «Жнец» является, так сказать, противоположностью «Севтелю», которого я пробовала написать раньше. Но в этом олицетворении смерти нет ничего печального — все происходит на ярком свете, под солнцем, заливающим все своими лучами цвета червонного золота»...

«Жнец», подобно другим шедеврам Ван-Гога, созданным в последние годы его жизни, свидетельствует не только о поделенно обостренном ощущении природы, но и о мучительных философских раздумьях, о попытках примирить неизменность истины с изменчивостью окружающего мира, найти компромисс между движением и покоем. К таким работам относится и «Пейзаж в Овере после дождя».

Взглянем на него еще раз теперь, когда мы узнали неинного о творческом методе Ван-Гога и ознакомились с некоторыми его мыслями об искусстве.

Почему картина эта оставляет противоречивое, неясное и даже тревожное впечатление?

Почему странные, продолговатые мазки, которыми нарисовано небо, упорно вызывают в памяти замшелую кирпичную стену?

Не умышленно ли стилизует живописец зеленый разбег полей, увлекающий мысль в бесконечность, с давящим, безысходным покровом облаков, за которым эта бесконечность, немислима? Стремительное движение, разворачивающееся в глубь картины, обрывается, упирается в заплеванную стену. Замкнутое пространство без выхода. Обычный зеленый мир в тюрьменной камере. Пробил ли брешь в этой кирпичной стене выстрел из револьвера, направленный в себя смертельно большим художником!

Вадим Кожевников закончил работу над новой книгой о Великой Отечественной войне и о первых послевоенных годах. Ее герои — простые советские люди, прошедшие фронт и закончившие в омут фронтового братства. Писатель ставит морально-нравственные проблемы, говорит о высокой чистоте любви, верности в дружбе, о сложных отношениях между людьми. Мы предлагаем читателям «Смеяны» отрывок из нового романа В. Кожевникова «В подвале на солнечной стороне». В отрывке рассказывается о том, как, пережившись в форму СС, проламает на территории оборонительной фаншиги крепости группа советских разведчиков-диверсантов, как ее командир мужественно и гордо ведет себя перед лицом смерти.

последний допрос

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Огда к воротам католического монастыря приблизилась заплеванная группа солдат в эссовских мундирах, многие из которых были ранены, их впустили в ворота без особых распросов, так как командование уже все было известно о разгроме эссовской дивизии. И если б это были не эссовцы, их, естественно, сразу обезоружили бы. И тут же состоялся бы военно-полевой суд. И подразделение военной жандармерии расстреляло бы солдат, а офицеры были бы похоронены в соответствии с последним приказом фюрера: оставляющих без приказа позиции — казнить на месте.

Но эссовцы остаются эссовцами, и без специального на то разрешения обершвейкмаршала генерала не мог применить к ним соответствующие меры. Эссовцы привели с собой также пленных советских солдат. И, угрожая оружием, не подпуская из командантского здания крепости никого близко к тем помещениям, которые они самовольно заняли для себя и для пленных.

Обер-лейтенант войск СС отказался явиться к генералу до тех пор, пока не устроят своих людей.

В этом не было ничего странного. При всех обстоятельствах эссовцы вели себя нагло по отношению к обершвейкмаршалу, несмотря на звание. Они были хорошо вооружены и при обороне крепости бодут, несомненно, сражаться, как смертники. Между собой они вели себя крайне дисциплинированно — слышали были только редкие слова команд, и видно было, как молча, именовано они исполнялись.

Все началось ночью. Они напали на часовых — перекололи. Забросали гранатами караульное помещение. Но генерал, командующий гарнизоном этой крепости, заранее приготовился к ее штурму и даже к бою внутри крепости.

В каждом проходе установлены были пулеметы с прикрытием из мешков с песком. Они били книжальным огнем.

На плоских кровлях, на деревянных платформах стояли автоматические зенитные пушки, склонившие дульные узкие стволы, или каскаетными очередями создали непродоходимую стену огня.

Лебедев сказал Борнову:

— Номер не удался! — И, горестно усмехнувшись, приказал в стенах монастыря, примыкавших к каменным фаншигам, заложить взрывчатку на целе-направленный взрыв, пробить проход и уходить всем, пока тепло.

Отбрав несколько человек по их добровольному согласию, заявил: — А мы с вами останемся. Будем стекла бить. — Улыбнулся и пояснил: — На прожекторы. Чтобы дать своим путь в подсетики. — Спросил: — Поняли? Своя пиласку, пома в пулак.

— Вы уж простите. Дума, поучитесь. В плане все предусматрив, даже вот, — кивнула на монастырскую стену, — чтобы по плану и сметаться, если сразу не возьмем. Губить же людей, чтобы просто так, а до, нет у меня пра-ва да и нужды.

Заявил явво:

— Но штаны у них всех там сырые — гарантирую. А запутанный противник уже неполезный противник. Значит, стоило!

После взрыва в монастырской стене в пробойны поспешно вползли и скатились по крупной настиле почти все, кто входил в состав группы, за исключением шестерки, оставшейся с ручными пулеметами под командованием Лебедева.

И, как он и предполагал, на угах монастырских башен вспыхнули маленькие, инудные полосы прожекторов. Рассредоточившись, они расстреливали прожекторы.

Потом отступали к фангелю, стены которого были пробиты лазами. Но добрался до фангеля смогли только трое. Двое падали от огня зенитки, что он мерта.

Лебедев очутился от яркого света, направленного ему в лицо. Он сидел, привалившись к большому резному креслу.

— Прону! — сказала толпой седой генерала с рыцарским крестом под воротником и показал жестом на маленького акрированный столтик. — Кошка! Сигареты!

Испытывая тошноту, головокружение, мучительную боль в затылке, преодолевая боль, Лебедев лая в рюмку коньяк, стараясь, чтобы не дрожали руки. Вышла, выдохнув, покосился на сигареты, осведомился:

— Очевидно, дрянн? Орзак?

— Ого, баварский акцент! Вы немец? — осведомился генерал.

— Как видите, — невозмутимо сказал Лебедев и скосил глаза на свой мундир.

— Бросьте дурака вальт! — попросил генерал с полуулыбкой. — Постарайтесь быть молодым. Итак!

— Позвольте узнать, давно в армии? — вежливо спросил Лебедев.

— В первую мировую командовал батальоном.

— Так какого черта идмота из себя строите?

Генерал вскопчал, сунул Лебедеву под подбородок пистолет и закричал: — Ну?! Лебедев наклонился и с силой дула в ствол пистолета, так, что свистнуло, по-детски, обрадованно усмехнулся.

— Вы здрбрат! — строго сказал генерал, оглянувшись на офицера, прика-зав: — Прону!

Офицер взял стул. Сел, широко расставив длинные ноги, вынул парабел-лум, прицелился.

— Возьмите закур. С этим начикаете...

Офицер послушно закурил в черную акрированную кобурку парабеллума, вынул из заднего брючного кармана закур калибра шестидесяти пять, прицелился и выстрелил в сторону Лебедева. Оглушила на генерала, тот кивнул: — Благодавро вяс.

И, обратившись к Лебедеву, снова повторил:

— Итак!

Лебедев посмотрел на столтик.

— О, пожадуиста!

ПЯТЬДЕСЯТ СЛАГАЕМЫХ ПОБЕДЫ

БУДУЩИЕ ЧЕМПИОНЫ,
СОВЕТСКИЕ БАСКЕТБО-
ЛИСТЫ, ИГРАЮТ С
КОМАНДОЙ ПУЭРТО-РИ-
КО.

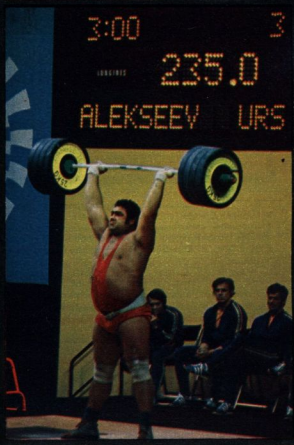

ОЛИМПИЙСКИЙ СТАДИОН В МЮНХЕНЕ. ТАКИМ ОН БЫЛ В ДНИ ИГР.

ГРЕБНОЙ КАНАЛ ФЕЛЬДМОХИНГ. ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ГРЕБКОВ ОСТАЛОСЬ НИКОЛАЮ ГОРБАЧЕВУ И ВИКТОРУ КРАТАСКОКУ ДО САМЫХ ВЫСШИХ ТИТУЛОВ.

ДВЕ «ЗВЕЗДЫ» СОВЕТСКОЙ ГИМНАСТИКИ: ПОЛИНА АСТАХОВА, НЫНЕ ТРЕНЕР НАШЕЙ СБОРНОЙ, И ОЛЯ КОРЕВУТ, ЗАВОЕВАННАЯ В МЮНХЕНЕ ТРИ ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ И ГОРЯЧЕ СИМПАТИИ ЗРИТЕЛЕЙ.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВ — САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ.

КАВАЛЕР ОРДЕНА ЛЕНИНА ВАЛЕРИЙ БОРЗОВ. ЕСЛИ БЫ НА ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ СУЩЕСТВОВАЛ ПРИЗ ЗА САМУЮ КРАСИВУЮ ПОБЕДУ, ТО ОН, БЕЗУСЛОВНО, ПРИБАВИЛСЯ БЫ К ДВУМ ЗОЛОТЫМ МЕДАЛЯМ СОВЕТСКОГО ЛЕГКОАТЛЕТА.

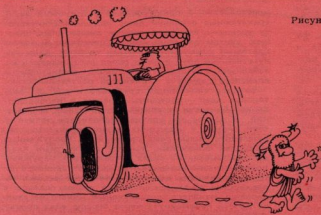

Василий ЖИЛЬЦОВ, специальный корреспондент «Смены», Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ [фото]

рудно, очень трудно писать о событиях, свидетелем которого вместе с тобою был весь мир. Телевидение, ставшее неперемным участником семейных вечеров, нарушило, смало традиционные каноны журналистских жанров. Ведь теперь даже оперативный газетный репортаж выглядит обычным письмом, безнадежно отставшим от телеграммы-«молнии», еще вчера мелькнувшей на домашнем экране.

Вот и XX Олимпийские игры в Мюнхене... Все их видели, иной раз даже более ясно и

ДВОЕ

ПОЧТИ СКАЗКА

Жили-были двое. Добрый молодец и красная девица. В общем-то миллионы и остальные три миллиарда населения, но уж так повелось — тогда двое влюбляются, то остальные три миллиарда как бы не в счет.

Большее всего на свете влюбленные любят проверить свою любовь: на свете, на расстоянии, на занос, на рай в шалаше...

Вот и наши двое тоже. Испытывали.

— Скажи мне честно, спрашивала красная девица, — как я вообще... красная?

— Ты для меня, — отвечал ей добрый молодец, — краше всех на свете. — И ты меня любишь?

— Спрашиваешь...

— А за что ты меня любишь? За красоту?

— За красоту.

— Э... недовольно морщилась красная девица, — красивую-то меня всякий полюбит. Ты меня некрасивую полюби.

— И полюблю, — говорил молодец, — подумайше, невдаль. Запросто. Была бы ты человек хороши да умный.

— Хм, умный... Умную-то меня всякий полюбит, ты меня дурую полюби.

— Да ладно тебе. Могу и дурую... Было бы мне с тобой душевно. Поговорить что...

— Ишь ты, поговорить... Культурную-то меня всякий полюбит, ты меня некультурную полюби.

— Говорят тебе, полюблю. Поумажись, культура... Читать-писать умеешь — и довольно!

— Считаешь-лишь... Грамотную-то меня всякий полюбит, а ты меня неграмотную полюби.

— Да замолчи ты, ай-богу. Скажешь, полюблю — и basta. Была б, говорю, человек хороший.

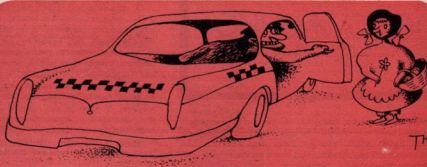
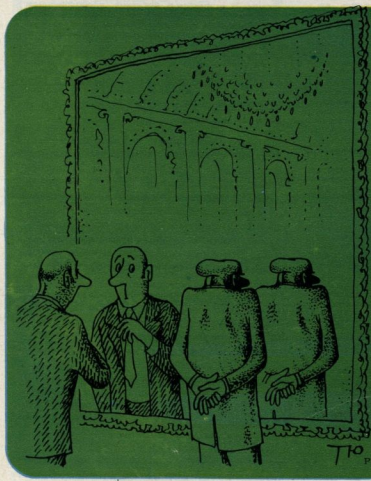
— Хороший! Хорошую-то меня всякий полюбит, ты меня плохую полюби.

— Плохую? — усмехнулся добрый молодец. — Ищи дурака, чтоб в плохую влюбился...

— Ну вот, — обрадовалась красная девица, — а говорил, что любишь... Видишь, какой ты!

— Да таного, как я есть, меня всякая полюбит. А ты попробуй полюби таного, какого нет.

И хлонула молодец вахонной дверью. Вот видите...

Песня «Летят перелетные птицы» сразу же стала популярной. Настранные народы, пострадавшие во время войны, было передано в ней подлинно и глубоко.

Вот что рассказал нам Матвей Блантер о рождении этой песни:

«Вскоре после войны Михаил Исаковский покаялся мне стихи. И я сразу же написал музыку. Михаил Васильевич одобрил. Но что-то останавливало меня — и я не горюшка писал песню на радио. Потом был написан второй вариант — он известен, — и стало понятно, чего же не хватало в этой песне: первый вариант был лирическим, камерным, а требовалась вещь, органически передающая особенность тая к теплу, миру, спокойному труду.

Да, и до сих пор мы слышим в эфире голос Бунчиково, поющего эту замечательную песню.

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.

А я остаюсь с тобой,
Родня навек в стране;
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перебрал,
Шагал с винтограм в руке,
Но не было горше печали,
Чем быть от тебя вдалеке.

Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю,
Но не было большего долга,
Чем исполнить волю твою.

Пускый уползал я в болотах,
Пускый замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,—
Я снова все это пройду.

Надежды свои и желанья
Связал я навеки с тобой,
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать,
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать;

А я остаюсь с тобой,
Родня моя сторона,
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна. *2 раза*

ЗВЕРДЛО, В ТЕМЕ НАРА.

Слова Михаила ИСАКОВСКОГО
Музыка Матвея БЛАНТЕРА

Летят перелетные птицы

Составил А. СИТНИКОВ, г. Сулеймана, Киргизской ССР

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Эстамп, гравиола.
10. Раздел, механики.
12. Композитор, лауреат Ленинской премии.
13. Укрепление связи.
14. Живое дерево.
16. Стихотворение А. С. Пушкина.
18. Элементарная частица.
19. Рыба отряда сельдеобразных.
22. Исполн. великан.
24. Областной центр в Казахстане.
25. Посредник, судья.
27. Песня А. Пахмутовой.
28. Рисунок перед началом тенета, главы книги.
32. Французский философ, физик, математик XVII вена.
33. Народный писатель Эстонии.
34. Порода собак.
35. Притча Библии.
37. Кавалерийское подразделение.
39. Пальмовый орех.
41. Единица веса.
42. Растительный вид.
43. Вещество, изменяющее скорость химической реакции.
46. Птица семейства стрижеобразных.
47. Научный труд, посвященный одной проблеме.

По вертикали:

1. Название групп островов в западной части Тихого океана.
2. Руковожающий коллективный орган.
3. Птица с ярким оперением.
4. Дословный отрывок из тенета.
5. Порт на берегу Карского моря.
6. Молочный продукт.
7. Персонаж романа Н. С. Ургенева «Накануне».
8. Прибор для измерения интенсивности солнечной радиации.
11. Оперетта Ж. Оффенбаха.
15. Государство в центре Европы.
17. Основное население автономной советской республики.
20. Полнрина область Земли.
21. Механизм для автоматического выключения станка.
23. Цирковая площадка.
26. Плавающий зван на водных путях.
29. Опера Ю. А. Шапорина.
30. Отличная система.
31. Народовластие.
36. Город в Финляндии.
38. Выборный представитель

организации, коллектива. 39. Именитый португальский слепец. 40. Неподвижная часть генератора. 42. Коронабельная смальт. 43. Деревянный духовой инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

1. Крапива.
4. Аманат.
7. Ракетка.
9. «Рогнеда».
10. Хорезми.
11. Сальери.
12. Квартет.
13. Справка.
16. Петрус.
18. «Гамлет».
19. Прометей.
20. Поре.
21. Лель.
23. Котлянский.
26. Велса.
27. Жанкер.
29. Третьяк.
31. Исаача.
32. Раппорт.
33. Румчиль.
34. Веравда.
35. Кубинец.
36. Рабазль.
37. Валахи.

По вертикали:

1. Керосин.
2. Премьера.
3. Аракс.
4. Африка.
5. Пляночка.
6. Третьяк.
8. «Месяц».
14. Прометей.
15. Каталина.
17. Сальюшка.
18. Гринльд.
23. Серенада.
24. Латина.
25. Скушница.
26. Занауур.
28. Ротация.
29. Таран.
30. Краков.

КОНЫШ ЕСИРКЕЕВ.

У него, по сути дела, пока еще нет творческого стажа. Родился Ионыш Есирнеев в 1947 году, окончил школу, потом алма-атинское художественное училище, отслужил в армии. Писать начал всего лишь около года назад. Несколько полотен — казалось бы, навели повод для разговора. Но, всматриваясь в эти работы, я в который уж раз отмечаю про себя твердою, уверенную руку мастера, его стиль — четкий, поплауф, даже чуть аскетичный.

Художнику свойствен свой особый колорит, в глуховатых и холодноватых тонах. Но тут же рядом он вдруг словно сдерживает пелену, раскрывая красоту открытого цвета. Но лишь на миг, и только там, где это кажется ему совершенно необходимым, а затем снова уходит в сдержанные, строгие тона. Таков пейзаж «Юрты», таков «Актогайский пейзаж».

Коныш, словно себя помнит, все время живет в Караганде, однако его постоянно тянет в степь, в малые поселения, в пастухам. Возвращаясь, Коныш приносит наброски, этюды. И только

тут видишь, как долго и кропотливо труд художника от первоначального наброска до воплощения замысла.

В тесной комнате на белой снурти несколько предметов — модель будущего натюрморта. Готовые полотна отвернуты к стене. Впрочем, сам художник не считает их законченными и показывает неохотно. Этот портрет еще не точен по цвету. И он обязательно переписует его в третий, в четвертый раз. Ждет своей очереди и пейзаж с конями, хотя, на мой взгляд, эта работа не требует ни дополнений, ни уточнений... Коныш хмурится, наконец говорит: «Работа должна быть правдивой, а правда — только одна».

Его отец — тоже художник — Раминул Есирнеев для сына два года на поиски, на то, чтобы найти себя в искусстве. И Ионыш не терпит времени. Весь день — в работе. Высона цель, труден путь. Путь, который избран безошибочно и навсегда.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

СТЕПЬ ЗОВЕТ

«ЮРТЫ».

«МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ».

«АКТОГАЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ».

«НАТЮРМОРТ».